

Испанская поэзия во XVI столетии.

изъ одиннадцати книгъ, посвященныхъ первымъ шпальскимъ войскамъ Карла V и конгера митрополита Франциска I. Во второй — двенадцати книгъ, где описаны военные подвиги императора Термаин, путешествие его во Фландрию и коронование во Болонью. Разсказъ объ эрмитахъ собоуиныхъ маюльяхъ собоуи два года и о кан, гиваеся обогцаніемъ авзора издаче зречій, посвящен. ный завоеванію Туниса; но это обогцаніе оуало не исполненны.

^{Вирогель}
Древняя, гилье „Carolea“, поэма, озаглавленная „Conquista de la Nueva Castilla“. Это королевская поэма, состоящая изъ двухсотъ восьмидесяти трехъ осьмислов. ныхъ страсовъ, очевидно написанная во половине XVI века однимъ изъ неизвѣстныхъ поэтовъ того времени. Она посвящена описанію подвиговъ Франциско Пизарро.

+) Завоеваніе
Новой Кастилии

Непосредственно за „Каролесі“ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуетъ „Carlo Famoso“ (Славный Карль), поэма Луиса Сапаты, изданная черезъ пять лѣтъ послѣ Carolea и закончившаяся мнѣющаго цѣлью воз. величій славу Карла V. И это произведение, подобно упомянутой поэмы „Carolea“, было черезчуръ рече рас. хвалено Сервантесомъ, который счиаетъ эту поэму въ число лучшихъ книгъ Библиотеки Дону. Кихота. Авзоръ поэмы объявляетъ, что она сочинена е въ црѣдѣ.

1) „Carlo Famoso de Don Luis de Capata“, Valencia, 1562.

женіе 13 лѣтъ. Она состояла изъ двадцати пяти, заключающихся въ себѣ около 40,000 обшественныхъ суждѣній.

Пиккоръ говоритъ, что зрудно вѣрбовать поэму, написанную въ болѣе прозаическомъ духѣ. Путь разсказывающаго изъ года въ годъ жизни императора съ 1522 года и вплоть до его смерти въ монастырѣ св. Иоса въ 1588 году.

Чтобы избѣжать всякихъ чужаковъ въ неясности, авторъ украшаетъ каждую сраницу хронологическими данными описываемыхъ въ ней событій. Въ поэмѣ есть два интересныя эпизода; въ одномъ описана обезьяньица смерти Гарсилдесо де ла Веги, а въ другомъ собраны подробныя свѣдѣнія о Порралевѣ, знаменитомъ колдунѣ времени Фердинанда и Изабеллы, о томъ самомъ Порралевѣ, о которомъ упоминаетъ Донъ Кихотъ, совершая свое великое путешествіе среди звѣздъ. Мисорія Порралева слышится прекрасной иллюстраціей характера испанскаго народа въ XVI вѣкѣ. — Какими бы ни были досюльшня поэмы Карло Гатосо, Луиса Капа, глупо вѣривавшія въ свой талантъ, самокаждо много издавъ ее на содѣвственной сценѣ. Но она имѣла мало успѣха и позѣ чужа, создала о своемъ легкомысліи.

Діего Хименесъ де Айллонъ, родившійся въ Аргосъ де ла Фроньера и служившій просвѣтлѣ солдатомъ въ

войсках герцога Авда, взял предметом своей эпопеи Сидя (в 1579 г.) и посвятил ее своему великому ко. ландиру. Поэма заключает в себе извостная предания о Сиде, изложенная в плавных, но прескучных остиметричных стихах. Но в эту эпоху она мало обратила на себя вниманія. Подобная же судьба постигла „Мальтею“ (La Maltea) Мигуэля Санца, рыцаря ордена св. Иоанна Мальтийскаго, украсившаго ее знаменитой записью Мальты прозвись журакъ, в 1562, и изданнаго в 1582 г. стихотворнице мекорико этой осады, подъ заглавиемъ „La Maltea“.

Въ эпоху же перюдъ издано еще нѣскольکو поэмъ, схожихъ съ упомянутыми нами; заковы: величественное доэроическое продолженіе „Orlando Furioso“ (Неиско. вой Боландъ) Эспинозы и „Decada de la Pasion de Cristo“ Колонны, — произведение, которому нельзя оказывать ни въ серьезности, ни въ поэтическихъ доэроическостяхъ. Сюжетъ его заимствованъ изъ евангельской исторіи со взвѣс. камн изъ верхаго забвѣза, а исполненіе не лишено вдохновенія. „Сервантесъ восхваляетъ это произведение въ своей „Galatea“. Обѣ поэмы написаны по образцу героическихъ и повествовательныхъ поэмъ современной Шпани. Но ни одна изъ ^{нихъ} при своемъ падленіи не обратила на себя особаго вниманія публики.

1) Разсказъ о св. Вероникѣ (Liv. VII) и изображение двѣи Маріи, взирающей на своего сына, окруженнаго грубою доломто и съ грудомъ восходившаго на Толгову, — все это Лопеса, исполненная поэма гескиль доэроическая. Поэма написана ^{в 1576} Лопеза и та. Это самый величавый размахъ въ испанскомъ языкѣ и наиболее сообразующій великому сюжету.

Естественно-прослой зоны старинных романсов о Сиде были безвозвратно потеряны, и Эмилеский попевки, существовавшие итальянскими образцами, которые в свою очередь были подражанием Виргилию, почти без исключения оставлены малкими, бездумными рифмованными хрониками, в смысле Теренцио,¹⁾ с Ларак, героль ввышине-исхоригграфического перечня событий, естественно являвшиеся вполнѣ безинтересными в подобнаго рода антимозувической передаче. Нужно однако из числа их исключать длинную поэмную временѣ Филиппа II, с самого своего подвлекенія итальскую несомнительную участь и с заль моря сохранившую свою извѣстность в Испании и в других странах. Я разумно поэмю „La Araucana“. Надъ нас, сою предсказателей законъ тьмо ввышине Эмиле, вѣзрозъ периодъ, возвышающа иленто лишь одитъ исхит, най поэзу — Алонсо де Эресилья, авторъ зонского упомянутой героической поэмы „Араукана“.

Алонсо де Эресилья (1533-1595).

Алонсо де Эресилья, родомъ изъ Бискайи, фрезий сынъ одного бискайского дворянина, — подробности, неоднократно упоминаемая самимъ поэтомъ. „Посмотри, говоришь отъ, на суровую погву старинной Бискайи, колыхает нашего дворянства, откуда оно распространилось по всей земль; посмотри на Бермео, главу

1) Джорджо Теренцио изъ Венеции (1478-1550). Его знаешь в 27 книгахъ, озаглавленных „Освобожденная Италия“ (Italia liberata da' Goti) — подражание Виргилию.

Бискайн, поросищу зерновомошкови и чубыкманнуо замкови, принадлежанцимъ фамилии Эрмелъ, болше древней чимъ самъ городъ". Алонсо родился въ 1533 году въ Мадридѣ, и его отецъ, гленъ совѣща Карла V, имѣлъ возмощнось, благодаря своему влидннго при дворѣ, по- мѣстнѣ сына въ число нашихъ принца, внослодествн короля Филиппа II. Съ 1544 по 1551, молодой Эрмелъ со- провождалъ принца въ путешествняхъ по Европѣ. Въ 1554 г. отецъ отправился въ Англнго, вмѣстѣ съ Филиппомъ, козорому предеходло женатся на королеви Марн.

Эрмелъ разказываетъ въ поэмѣ, какъ къ нимъ въ Англнго пришла вѣсть о возвращнн путешественъ въ Гнм, грозившемъ причиннть бошннй затрудненнй испанцамъ- завоевателямъ. — Многие испанскне дворяне, находившнся тогда влнсьств со своимъ государемъ при англнйскомъ дворѣ, двнжннныи чубевоомъ патрнотнзма, вызвались отправнться въ походъ противъ невторннхъ.

Въ письмѣ мнѣ, желавшнхъ прилнкнухъ къ этой романтической Экспедици, находнлся и Алонсо де Эр- мелъ, козорому тогда было 21 годъ. По его словамъ Принцъ охотно разрѣшилъ ему перенннть гражданскую службу на военную. Начало Экспедици было несчастливое. Алд, реде, всѣмъ оназннмъ воинмъ, козорому поручено было командовать испанскнми добровольцами, умеръ на дорогѣ. Прибывши на мѣсто, Алонсо де Эрмелъ и его

Зовариши понам подь Кагалсуво менше овицнаго полко.
 Водца, сына вице-короля Перу; съ нимъ они должнны
 были довершильз завоеваніе Арауканіи, наленской
 сфранки, защищавшейся закъ храбро прозивъ испанцевъ,
 что героизмъ ея одиуделей вызвалъ удивленіе во мно,
 гиль европейскиль сфранакъ. Борьба была кровопролитъ,
 мая. Арауканци сразнались отплатно, испанцы — съ
 ошесзогеніемъ. Эрменъ игралъ въ этой борьбѣ видную
 роль. Онъ участвоваль въ семи боитимиль сразненіяхъ
 и перенесъ много сфранакій во время переходовъ по пу,
 сфранакъ, гдѣ испанцамъ приходилось гасо сфранакъ
 мадъги дикильз рудельцевъ, гордившихся прозвищемъ
 тилель, негодьдишало государюва¹⁾. Луисъ де Белъмонте¹⁾
 говориль: „Почва ея (Зерриуоріи Арауканіи) унижана испан,
 ского кровью. Покореніе воевока сфрано Александру менъ,
 маго числа солдатъ, чьль покореніе Арауканіи Тили.

Но одиудей, благодаръ своей гордоести и горькой крови,
 Эрменъ подвергался оъ своихъ соотечественниковъ закъ
 опасности, какой онъ не подвергался даме и оъ враговъ.
 Во время одного перерыва военнаихъ дѣйствій усстроена
 биль публичной журниръ, гдѣбы оъраздновауъ восшесть,
 віе Филиппа II на престоль, и зуть-го мезиду Эрменъ
 и одимиль изъ его прозивниковъ произошла ссора. Какъ
 это гасо бивало и въ самой Испаніи, „примьорный“ по,
 динокъ превразилься въ серьезной бой. Произошло снѣженіе.

¹⁾ въ предисловіи къ псезь, посвященной маркизу Канседе, 1622 г.

молодой полковнице, бывшии председателем журрира, оудалъ безразсудное повелѣние — казнить обоеихъ виновни-
ковъ всего происшедшаго, и зомско послѣ далъ имъ утра-
тиваній отъ зачѣтливъ казнь зторской и изгнаніемъ.
Эрсия въ все-таки провелъ московско линію на Эшафотъ,
въ осмидатиі окомаретнаго рыменія.

Вануценной на свободу, Эрсия заданъ опасной за-
дасей захватилъ дикаго и свирѣпаго авантюриста, Лопе-
де-Агирре, но отъ казнить зтого зворя уже въ саомъ
концѣ его кровавой и преступной карьеры. Съ зтого вре-
мени мы знаемъ зомско, что, оправившес оуъ долгой и
мучительной болѣзней, послѣ воесми проведенной въ
Америкѣ моръ, отъ вернулся въ Меманію въ 1562., будучи
двадцати девяти лѣтъ. Привыкши къ буйной непосѣдной
жизни, Эрсия сначала увлекся путешесвіемъ и одѣ-
пѣдилъ Мранію и нѣкозорыя другія страны Европы. Позомъ,
въ 1570 г., отъ женился на доньѣ Маріи де Базамъ, свѣ-
танной узамъ родсва съ знаанной фамиліей маркизова
де Санза-Кривъ.¹⁾ Около 1576 г. отъ былъ посланъ камер-
геромъ императора, — званіе, повидимому, зомско почетное.²⁾
Въ 1580 г. мы его снова встрѣчаемъ въ Мадридѣ; имен-
ной средсвѣ къ жизни, отъ горько жалуется на невин-
таніе и неблагодарноегъ король, козорому отъ зарѣ данго
служилъ и козорый оумладилъ за зго забвеніемъ. Въ по-
слѣднего эпоху его жизни мы почти совсѣмъ зѣрдемъ

1) Съ 1571 года былъ кавалеромъ ордена Санза-Аго,

2) а въ 1578 г. былъ посланъ Филиппомъ II съ незначительными порученіемъ въ Сарагосу.

его изъ вида; знаемъ только, что онъ умеръ въ 1595 г., на-
равъ поэму въ честь франциска Савва-Крусова. Онъ вос-
пелъ свою жизнь въ концѣ осьмнадцатой вѣки
своей поэмы „La Atausana“.

Алоссо де Френтя представляеть собой одинокъ изъ много,
испанскихъ примѣровъ содвигенія въ однокъ лиръ геро,
пэма и поэтическаго халамъ. Онъ писалъ и сражался, бду,
тевлениый одмиль и зелье-же пубеувоиль, а его главное про-
изведеиie проинкнудо закиль-же воиневеинивиль энз,
чзизаз.воль, какъ молодъ эпока его обильной приключенн,
или жизни. Станеъ его книги-арауканская экспедиция,
козороъ онъ оудалъ восемь или девять летъ своей молодости.
Она носиль другое названнe „La Atausana“ и етъ ничто
мное, какъ длинная героическая поэма въ 37 вѣсннхъ.
Поэма, написанная востанисурогивили сурорами, изобра-
жаель срашеннй испанскихъ завоевателей съ араукан,
цали, имфелднми горнелой провинцил Гили. Френтя
описываель историческнй событнй, хотя и прикннннваель
къ нимъ волшебство, очаровательные сады ит.п. Онъ
самъ говориель въ началъ поэмы:

„Не даель поноя, не любовь, не любезное влюблен,
наль рыцарей, не даель пламенннхъ сраженнхъ, не
клязвы въ вѣрности, не праздники и любовннцо бол,
зобню, а мнннсуво, подвиги и озвнгу храдрнхъ испан,
цель, козорнхъ съ пононнцо шпани, наложнли зельное

эрмо на было чиркыныхъ арауканцевъ."

Эта грандиозная поэма соединяет изъ зрѣль частей.
Первая часть Арауканитъ заключаетъ въ себѣ не болѣе,
 какъ сфикоэволюцію извѣстнаго перваго періода войны. Путь
 авторъ забываетъ болѣе всего о географической и сѣраи,
 сущестной догматѣ. Эту часть поэмы можно считать съ
 кардой въ рукахъ; всѣ ея вынужденныя связи соединить
 въ хронологическомъ лодѣ событій. Ради догматѣ Эр,
 снѣтъ написана съ описаніемъ Араукитъ и ея обитателей,
 поэма въ пятнадцати тѣснѣтъ описываетъ сраженія,
 переговоры, заговоры и приключенія. Поэту сочинилъ
 эту часть своего произведенія въ безмолвіи пещеры, гдѣ
 отъ сражался и сѣрадалъ, записывая ночью до, что про,
 исходило днѣтъ. Когда не хватало бѣлила, отъ писалъ
 на козѣ.

Такимъ образомъ. Арауканитъ являеться переломомъ,
 нѣтъ въ поэтическія окрѣвы дневниковою Экспедиціи,
 въ которой участвовалъ авторъ. Ея пятнадцати тѣснѣтъ,
 написанная въ 1555 по 1563 годѣ, составляють первую
часть, оборванную на описаніи бури. Она написана
 въ 1569 г.

Во второй части, написанной не ранѣе 1572 года,
 авторъ пришелъ къ убѣжденію, что хронологическое опи-
 саніе событій сѣрадаетъ крайнимъ однообразіемъ; въ виду
 этого отъ рѣшилъ озвучить свое звереніе болѣе интерес.

наши и поэтически веравками. Мы находим, конечно, еще несомненно историческую точность в ходе разсказа, но зато и славь безумногоя эпическяя прикраск. Таково, напр.: видение Беллоны въ 17 и 18 пьесахъ, гдѣ поэтъ, будучи въ южной Америкѣ, провидитъ побѣду Филиппа II при Сентъ-Катрине въ день самый день, когда она происходила во Франціи; грозь воинабиска Фиро, на въ 23 и 24 пьесахъ, откуда онъ видать бурву при М. панго, мнѣющую произойти гораздо позже, (подобныя видѣнія были роида въ большомъ ходу); романическяя исторія Птервалды въ 20 пьесѣ и закатъ же исторія Тлау, ра въ пьесѣ 24-ой. Благодаря этому, мы, дочитывая взорую часть, удивляемся, что въ вознагражденіе за меньшую историческую точность мы испытывали больше поэтическаго наслажденія, чѣмъ прежде.

Позже въ третьей части напомнимъ, начатаго въ 1590 году, продолжается описаніе военныхъ событій война, но въ 32 и 33 пьесахъ безумногоя обширныя оцзупленія, въ козорскихъ поэтъ, по примѣру сгаринскихъ испанскихъ хроникъ, защищаетъ Дигону отъ нападокъ Виргилія. Эпизодъ, подобный этому, безумногоя и въ 36-й пьесѣ, гдѣ въ оцроуальной фронтѣ Эрсинтъ сообщая, еръ намъ часть изъ этихъ скудныхъ свѣдѣній, козорскя мнѣющя объ его личности. Въ 37-ой и послѣдней пьесѣ авторъ пускается въ разсужденіе о правель воюющихъ

сторону въ войнахъ международной и внутренней и о правахъ Филиппа II на корону Португаліи. Концы поэмы напоминаютъ собою концы жизни поэта; въ зрѣе, гадельныхъ выраженіяхъ онъ жалуется на свое суровое, мое положеніе, на свои обманутыя надежды, и заявляетъ, что рѣшился посвятить остатокъ дней своихъ молитвѣ и раскаянію.

Обращаясь къ кризису, нужно прежде всего за-
мѣтить, что эта большая поэма, несомненно свидѣтель-
ствующая о поэтическомъ дарованіи и сердечной оцѣвѣ,
глубокой авзора, не лишена крупныхъ недосказокъ. Хотя
Эрнандъ съ изумительнымъ красноречіемъ возмущаетъ противъ
защиты его соотечественниковъ къ золоту и завоеванію,
ямы, разрушившимъ мирную и счастливую жизнь добра-
го, добротываго и правдиваго народа; но разорили
все, что нашли прекраснаго въ этой странѣ небитъ,
поети; съ грустью говоритъ поэтъ, однако мѣстный ко-
лоритъ едва замѣтенъ въ поэму. Эрнандъ написалъ
ее въ то время, когда сущность Эпической поэмы весьма
дурно понималась въ Испаніи, такъ что отъ увлечен-
ной образцами „La Catolea“, „Carlo Tamoso“, легко впасть
въ серьезные ошибки.

Только съ большими натяжками можно назвать
„Арауканио“ Эпической поэмой. Это стихотворное исто-
рическое повѣствованіе отчасти написано въ стихѣ

произведений Силия Италика (25-100 г. по Р. Хр.), когорной, рабски подражая Виргилию, в поэме "Пunica" воспользовался событиями войны с Тамнидалом. Эрендт изображает также подражатель духу и манере италийских писателей и кротче того стремился на манер Гомера и Виргилия ввести в свою поэму сверхъестественный и фантастический элемент. Поэма во всяком случае слуга до мелочей, сги точный перечень всех самых ничтожнейших сражений с неприятелем, военных переходов и отступлений приключений из войны с арауканцами, — перечень, не сжимаемый даже прелестью слова, безчисленных и ничтожных различий между собою, исторически значительных событий значительно порричь худо, искусственное досочинство эпоса. Наконец все в поэме произведений отомщенное, когорая не могла не броситься в глаза при первом его подвешении: в нем много речи о полководцах, руководивших военными войсками в Араука. Этого полководец был членом знаменитой фамилии Мендосы и одним из виднейших вельмож двора Филиппа II и Филиппа III. Но Эрендт очевидно был оскорблен наказанием за несчастную журналику и молчание было для него средочувством озорения за обиду.

Это — слабая сторона "Арауканиа"; во других отношениях поэма Эрендта болоче слабува. События из войны с

арауканцами отъ изобразить впрочемъ съ замѣтательными
 безприсудражіемъ и оулично воспольъ и геройство своими
 соотечественниковъ, и рыцарски-гордый и свобододолюбивый
 духъ бравидебныхъ индейцевъ. Араукана оузнавая ищетъ,
 но поэтическии одушевленіемъ великій разъ, какъ уоубо
 францази автора удаеся избавиуся отъ погителія приеламъ
 разсказника-хрониса. Описанія его, за исклюгеніемъ
 описаній природы, весьма замѣтательны; въ картинкахъ
 срашеній и въ разсказахъ о дикихъ нравахъ несчастныхъ
 индейцевъ съ нимъ не сравниася ни одинъ испанскій
 поэтъ. Не менѣе замѣтательны рѣчи, влгаселмид имъ въ
 уста различныхъ действующихъ лицъ. Особенно хоро-
 ша во второй томъ рѣчь, произнесенная Колоколого,
 старѣйшимъ изъ кауиковъ. Здѣсь авторъ рѣшается на
 прямое соперничество съ Топеромъ, который въ первой
 книгѣ „Миліадъ“ засравадеа Урлиса произносилъ рѣчь
 при подобномъ же обходѣземсвааъ. Характеры поэмъ
 и особенно личности арауканскихъ военачалствиковъ
 обрисованы ярко и сильно; послѣдній насротоко сим-
 патичны, что гизаетъ съ болѣшими согубсвааъ оубо,
 сиза къ индейцамъ, чѣмъ къ испанцамъ-завоева-
 зельамъ. Но помимо духа доухонмевъ, произведение
 Эрсила неоспоримо свидозелсвааъ о замануъ и
 поэтической внопазлизелснози автора и еще болѣше
 отъ его тизо-касумискоаъ сердце и характеръ. Рѣчь

поэма проникнула глубокимъ губерновъ въпросами коро-
лю, которое всегда было главнымъ элементомъ испан-
ской чести и испанскаго героизма, и которое видимо
не ослабело въ души Эрнста, хотя онъ посвятилъ
и жизнь свою и поэму государю, не съумевшему досуд,
но отстоять его. Что касается до неблагодарности Фри-
шмана II, то эрозъ франкъ не представляеть ничего удивитель-
наго, ибо эрозъ государь не имель въ своемъ характеръ
поэтическую шилку. Утверждаютъ даже, что онъ былъ
врагъ поэзии (enemigo de la poesia).

„Арауканто“ переводили Волгертъ и Лагартъ и, ка-
кимъ образомъ она стала известна по ду сторону Тирене,
есть, особенно благодаря неумереннымъ похваламъ, съ
которыми Волгертъ охвалаетъ о рочи Колоколо въ своемъ
„Essai sur la poesie epique“, приложенномъ къ „Тетриадъ“
1726г. Лучший же и болые подробный разборъ поэмы
Эрнста можно найсти у Лейтгарда въ его „Character
der vornehmsten Dichter aller Nationen“ Leipzig, 1793, Bd. II,
Theil I, pp. 140 и 349. „Арауканто“, главное произведение
Эрнста, которое мнѣ среди бичевъ и походовъ въ Гимм
и оконченное по возвращеніи на родину, озна содѣй,
свѣдѣть славу ея автора. Если прибавить къ этому две
или три мелкия, неважныя вещицы, то возъ и все, что
намъ осталось отъ Эрнста. Въ счастіи этого совер-
шенно досудачно для подтвержденія заслуженной

ишь извѣстности.

Будучи на одну зрѣзку дмитиче „Мліадѣ“, „Араужаній“ все-таки преуважляеть собою лишь гасея ццалаго. Озно, сизентно араужанской воймы поэма вскорѣ была допол. мена еще двумя гасяями, заключающими въ себѣ зрид, царь зри новая пьсти. Дополнение это было сочтено по зрѣзкѣ по имени Осоріо, издавшимъ свое произведение въ 1597 г. Въ зрѣзкѣ авзорѣ, уроженецѣ Леона, мизма, ешь зомско зо, что отъ самъ сообщаяеть о себѣ; что про, допущение „Араужаній“ отъ писалъ еще будучи мого, дашь челоукоу. Это продолжение поэмы перемега, забавляетъ нѣсколько разѣ, но поэма его скоро пересхали нидарѣ. Малодолгое млодовуе въ его „Араужаній“ зѣ мѣста, гдѣ авзорѣ, повидимому правдиво, описываетъ многосмысленные подвиги Зрсичи; совсемъ не удаленъ ему и вышій нелѣпый „видѣній Белмои“, гдѣ отъ повѣдуееть о завоеваніи Орана кардиналомъ Химене, сошь и о завоеваніи Перу Пизаррам, — сообщая, не миль, кощія никакаой связи съ главными предметами поэмы. Въ общемъ, произведение Осоріо по стилю гасея зне скучно и походитъ на хроникку, какъ и млобая изъ предидущу. кощія поэма того зне сорфа. Въ „Араужаній“ Осоріо еерь зоме олошнуетъ, какъ мы это замѣтили уже у произведений Зрсичи: и въ этой поэмѣ мѣзь рѣгко полководцѣ. Прудно объяснить, почему Осоріо прошелъ

его полканиемъ. — Въ 1598 г. Осоріо издалъ другую поэму о войнахъ мальтійскихъ рыцарей и о взятіи Родоса (Primera y Segunda Parte de las Guerras de Malta y Toma de Rodas, Madrid). Это произведение ничтожно не лучше продолженія „Арауканин“.

По личному болѣнному приговорамъ, Эрменъ былъ несправедливъ по отношенію къ Тарсія Мендосе, четвертому маркизу Кантеге, предводительствовавшему испанцами въ войнѣ съ арауканинами, и несправедли. Вося эта была въродушно одного изъ примитивъ, вследствие козорныхъ по возвращеніи своемъ въ Испанію Эрменъ былъ холодно принятъ правительствомъ и осуждался на худомъ слуху въ царствованіи Филипповъ III и IV. Это было наказаніе за то, что Эрменъ прошесть полноты полканиемъ подвиги Дона Тарсія. Онъ описалъ завоеваніе Арауканинъ зловоль бегъ головы, з.е. войскомъ бегъ предводительствъ, забавъ весь милосери, козорыми Дона Тарсія оспалъ его; онъ обрисовалъ характеръ маркиза зрудыми шурками, ни разу не придобывъ къ яркимъ краскамъ, вполне имъ заслуженнымъ, какъ-будто хотио скрытъ храбрость, добродетель, предусмотрительность, вліяніе и центахъ человека высокопосажавленнаго, ко зорого слова и дѣйствій никогда не производилими другъ другу и всегда были одинаково прекрасны.

И возъ, однимъ изъ чилийскихъ поэтовъ Педро де Овся

(Педро де Оña), речеваеца поправилу чинилетичу неспра-
ведливоу Ерсилла: онъ издаеца своа „Арансо Домадо“
(Покоренная Арауканиа, въ 1596 г.)¹⁾ поэму въ 19 пьесныхъ,
нѣмкоу посвященную прославленію западнаго полка,
водца. Въ этой поэме мы находимъ событія адскихъ
силъ, какъ у Тассо, и любовную пещору въ подразнаніе
Ерсиллы, но въ общемъ она все-таки озаеца пещорно-
ской поэмой. Когдаеца она разказана о вѣдѣн въ плѣнъ
англійскаго пирата Рикорре Акинеса, подъ корольскъ
конечна разумевеца сэръ Ричардъ Токсинъ, захваченный
на Тихомъ океанѣ, въ 1594 г., при обезображенствѣ, все,
на схожихъ съ зѣми, какія описываеца Оньа, проявля,
ющій при этой безпримѣрасіе, котораго зрудно было о,
тудаеца въ поэтическомъ разказѣ, принадлежанеца
испанцу. Своа „Арауканиа“ Педро де Оньа написалъ въ
Лима. Цестовъ его бивъ не великъ, да его произведение
и не заслуживало большаго. Оно было перепечатано
всего одинъ разъ; хотя въ поэме и насчитываеца семъ,
надцаеца здесяеца сриховъ, но она все-таки озаеца,
еца лимъ на полтузи въ предприказаомъ описаніи
событій и никогда не была закончена.

Педро де Оньа написалъ еще поэму на землерѣ,
сеніе въ Лима въ 1599 г. Антонио несправедливо от,
рицаеца американское происхождение Оньи. Таяеца
замыслаеца, что въ 1639 г. въ Севилью била намечана

¹⁾ Aranco Domado, compuesto por le Licenciado Pedro de Oña, Natural
de los Infantes de Aragón en Chile, etc., impreso en la Ciudad de lo Reyes
(Lima), 1596, и Madrid, 1605.

поэма Омни подъ заглавіемъ „Ignacio de la Cantabria“, бывшая въ сущности жизнеописаниемъ св. Игнатія Лойолы и не имѣвшая никакихъ документальныхъ, кромѣ главнаго ослѣдственного размера. „Покореніемъ Крау, кавий (Араусо Домато)“ была перепечатана въ „Biblioteka“ Губаденейры, 1854, гдѣ въ предисловіи помѣтъ, что это биографическій очеркъ Омни.

Гудеянскія оуражія, сдѣланныя завоевателями въ Америкѣ, заставили говорить о себѣ весь міръ. Несмотря на то, послѣ этого, что на долто величайшаго изъ авантажурщиковъ, Фернандо Корреса, вышло много поэмы, скупыхъ восхваленій, сдѣланныхъ оубоуду съ какими издателями. Габриэль Лассо де ла Вега, молодой мадридскій дворянинъ, увлеченный примѣромъ Эренси, издалъ поэму подъ заглавіемъ „Храбрый Корресъ“ (Cortes Valeroso por Gabriel Lasso de la Vega, Madrid, 1588), а черезъ месяцъ послѣ оубо ее дополнилъ и издалъ вновь, подъ заглавіемъ „La Mexicana“ (Madrid, 1594). Ему приписываютъ еще нѣсколько трагедій и другихъ произведеній. Анхоріо де Сааведра, мексиканскій уроженецъ, вынулъ въ свѣтъ поэму „Индіанскій путешественникъ“ (El Peregrino Indiano, por don Antonio de Saavedra Guzman, Viznieto del Conde del Castellar, nacido en Mexico, Madrid, 1599), гдѣ подробно разсказана жизнь Фердинанда Корреса;

Эта поэма состоит изъ 20 пьесъ, написанныхъ
восьмидесятью стихами и заключающихъ въ
себѣ, въсвѣтъ взгядъ, около 16000 стиховъ. Поэма эта
написана, по словамъ автора, во время семидесяти,
дневнаго плаванія по океану. Изъ похвальныхъ сти-
ховъ, помѣщенныхъ во главу поэмы, мы узнаемъ,
что въ число друзей автора были Лопе де Вега и Ви-
сенце Эспингера. Она оканчивается исторіею Ферди-
нанда Корреса смертию Гуахимозина.

Оба названныя произведенія являюся прозо-
ма-прозо ридованными хрониками; жаль не ме-
нше последнее изъ нихъ не лишено естественности и
правды, потому что оно принадлежитъ очевидцу
описываемыхъ событий, геловкою, хорошо знако-
мому съ образомъ жизни несчастнаго племени,
идельныхъ конецъ козорого и рассказывается въ
поэму.

Въ одинъ годъ съ „Храбрыми Корресамъ“ (Costes
Valeroso) появилась первая часть жизнеописаній
первыхъ авантюристовъ, открывшихъ Америку. Поэма
эта носитъ довольно оригинальное заглавіе, *Vlegias
de Varones Ilustres de Indias*. Предполагаю, что она
первоначально состояла изъ четырехъ частей. Первая
часть была напечатана въ Мадридѣ въ 1592, а вторая
и третья найдены въ Мадридской національной Библиотекѣ

и съ удождовореніемъ Эрнста въ ихъ правдивости
 были въ первый разъ въ 1847г. Авторомъ поэмы
 былъ Хуанъ де Касельяносъ, духовное лицо изъ Пунчи,
 въ Ново-Гранадскомъ королевствѣ. Подобно многимъ
 своимъ современникамъ, посуживавшимъ въ духовное
 званіе еще въ постемныхъ годахъ, Хуанъ де Ка,
 сельяносъ въ молодости былъ военнымъ, состоялъ
 описаннымъ имъ франца и принималъ личное участіе
 въ битвахъ, востановилъ имъ.

Поэма — ея первая часть — начинается разсказомъ
 объ открытіи Христофора Колумба, а заканчивается
 около 1560 года Экспедиціей Педро де Орсуа и зюдовъ.
 Антонио Лопе де Агирре. Въ другихъ частяхъ разсказъ
 объ испанскихъ завоеваніяхъ въ Америкѣ и въ осо-
 бенности въ той части, которая впоследствии стала
 извѣстна подъ именемъ Колумбиди, доведенъ до 1588г.
 Собака первой части поэмы Гундомъ съмужаетъ самымъ
 драматическимъ эпизодомъ въ исторіи испанскихъ
 завоеваній, а Соуду даетъ намъ грустное, хотя и при-
 влекательное, имъ описаніе.

Вся поэма, за исключеніемъ конца, написана
 италіанскими осемизонными франсами и содержитъ
 въ себѣ до девятисотъ стиховъ на гиссонъ, плав,
 номъ касульскомъ языкѣ, отълавившемъ вскорѣ
 но духъ старинныхъ хроникъ, усугубляющій цѣн,

может поэма в историческом отношении, лишает ее наилучших характеристик поэзии. Слово *elegias*, встречаемое в заглавии поэмы, Ка. селяность упреждает, повидимому, в смысле похвалы авантюристов, ожививших Америку.

Вслед за этой поэмой появились и другие в том же роде. Лишь одной из них, озаглавленной *Argentina, Conquista del Rio de la Plata y Tucuman, y otros Successos del Peru* (Lisboa, 1602), хотя здесь еще коснувшись. В этой поэме, *La Argentina*, описывается открытие и заселение Ла-Платы и она принадлежит перу Сендлера дель Барко, принимавшего личное участие в зрелище и опасностях экспедиции. В начале поэмы встречается много подробностей, не имеющих ни малейшего отношения к Перу; хотя в XII-ой главе сообщается какая-то любовная история, а в других говорится о волшебстве, но за несомненно исключительными, поэма эта представляет собою сборник тех же географических и исторических данных о Ла-Плате, собранных автором на месте. В этой поэме представляется странное смешение истории и географии и заканчивается зрелище поэмы, по священному капитану Томас Сандис, главному начальнику войск английской королевы, в котором не трудно узнать Томаса Кавендиша, колумбовца,

полупирама, поросение козорого въ Бразиліи, въ 1592, Мартинъ Сенжермъ дель Барко похищаетъ кафедрозного, вполнѣ дозойного для заключенія его поэмы. Это длинная и скучная поэма въ двадцати восьми пѣсняхъ, свидѣтельствующая о легковѣрїи абзора, но не лишена, мая дозойности, какъ откъз его о заѣвъ, что отъ видѣль и испѣвалъ во время своихъ оригинальныхъ сцранъ, сцвовацій.

Но въ особенноеи насъ поражаетъ то, что какъ въ этой поэме, такъ и во многихъ испанскихъ описа- нїяхъ завоеванія Америки, написанныхъ лично сцранъ, лично посѣзвившими описанныя сцраны, не встрѣча- ется ни одного живописнаго описанія карзинъ ири- роди, едва-ли не самыхъ прекрасныхъ и грандіозныхъ на земномъ шарѣ, — карзинъ, козорыми повидимому сцудено возбудить все новыя и новыя восфоры ну- земисцвенниковъ. Въ ихъ описанія льсовъ, рѣкъ и горъ, нертѣдко весьма краснорѣчивыя, въ сцизносеи безразлично прилѣплены къ Пирѣнейскъ, Гвадал- кивирю, Мексикѣ, Андамъ и Амазонской рѣкѣ. Поишь бытъ недоказаноъ этоъ естѣ рѣзультатъ зѣль.не прилѣпъ, въ силу козорыхъ Испанія не произвела ни одного ландшафтнаго живописца. Испанская лигерадура представляеть въ этойъ озноченіи рѣзкую прозвивоположенноеъ, напр., съ англійской.

Поэма романтическая.

Совершенно прозвонимое и историческое, хроникальное, т.е. хроникальное сохранившееся, поэма представляет поэма романтическая, стилистика отчасти вымышленная, принадлежность по времени к тому-же периоду и по форме к тому-же классу, как и историческая и религиозная. Она немногочисленна и все более или менее находится, в связи с вымыслами Ариосто, подвигавшимся в начале XVI столетия подобно блестящему поэту на итальянском языке и образившим на себя внимание всей Европы и в особенности Испании.

Около 1550 г. Херонимо Хименес Урреа издал перевод "Orlando Furioso" Ariosto (в Лионе, в 1550 г.). Она подверглась суровой и справедливой критике как перелата при разборке Библиотеки дон-Кихота. По отзывам Урреа перевода Уррея созданы в том, что она за сокращает оригинал, за добавляет его; вообще, обходится с ^{ним} безцеремонно.

Вслед за этим переводом появилось по драматизации Ариосто, о котором мы уже раньше говорили. Она принадлежала перу Николаю Эспиноза и носила заглавие: "Segunda Parte de Orlando etc. por Nicolas Espinosa, Zaragoza, 1555" ("Вторая часть Орландо, с правдивыми описаниями пещеры Ронсеваль").

ской бижвы и смерти 12 перовъ Францiи"). Однако
 еще во возмущенiи авторъ заявляетъ, что цѣль его во-
 нѣть великiе, подвиги испанцевъ, поражение Кар-
 ла Великаго и его войска и при Эзовѣ умираетъ
 на то, что повѣствованiе его будетъ правдиво и фак-
 ты будутъ переданы не въ зомѣ видѣ, какъ они раз-
 сказаны французомъ Тюрпинномъ. Изъ этого ясно,
 что вънѣсно вънѣслово Ариосо, не имѣетъ дѣло
 съ испанскими вънѣслами о Бернардо дель Карнио,
 о поражении двѣнадцати перовъ при Ронсеваль
 и о неудачахъ Карла Великаго, козорнiй въ концѣ
 концовъ со срыдомъ удалеся въ Германiю. Многие
 изъ вънѣсловъ Эспинозы крайне кельны и сума,
 сбродны. Такъ напр. въ 22-ой пѣснѣ Бернардо от-
 правляеся въ Паризь, гдѣ одерживаетъ побѣду надъ
 нѣсколькими палатинами, а въ 33-й пѣснѣ, козо-
 ратъ переноситъ масъ въ Ирландiю, Бернардо побѣди-
 даетъ царя волшебницы Олимпии и срабатуетъ ко-
 ролею острова. Въ эти прибавки къ легендарной
 исторiи Бернардо, извѣстной намъ по стариннымъ
 испанскимъ романсамъ и хроникамъ, неудачи
 и совершенно излишни. Сказо-бвѣтъ, козъ въ пѣснѣ
 Эспинозы нѣтъ недоезжа въ французскомъ эле-
 ментѣ, въ волшебникахъ и великанахъ, однако мож-
 но сказать, что въ повѣствовательныхъ нѣскахъ она

Испанская поэзия въ XVI столѣтїи.

оформляется легкою и плавною разсказомъ. Въ общемъ поэма Эспинозы существенно связана со своими образцами и служитъ продолженіемъ приключеній героевъ и героинь поэмы Аріосо. Заканчивается поэма Эспинозы тридцатью пятою и содержитъ болѣе четырнадцати тысячъ стиховъ въ octava rima. Конечъ внезапно обрывается. Хотя авторъ заявляетъ, что онъ намеренъ продолжать свой разсказъ, однако ничего болѣе не вышло изъ подъ пера Эспинозы.

Другіе поэты продолжали рядъ этихъ же быльи, ловъ, хотя и не находящихся въ тѣсной связи съ сюжетомъ первыхъ.

Гарридо де Виллена, уроженецъ Алакалы, познакомивъ въ 1577 г. своихъ соотечественниковъ съ переводомъ въ испанское мѣре поэмы Боярдо „Orlando Furioso“ подъ заглавіемъ: „Orlando enamorado de Boiardo por Francisco Garido de Villena“ (1577), а черезъ нѣсколько издалъ поэму „Россевальская Битва“ („Verdadero suceso de la batalla de Roncesvalles“, 1583).

Мартинь де Болеа, арагонскій дворянинъ, написалъ поэму „Влюбленнаго Роланда“ („Orlando enamorado de Don Martin de Bolea y Castro“, Lerida, 1578), поэму „Orlando Determinado, en Octava Rima“ (Zaragoza, 1578).

Гонсевалльской Буввой воспользовался въ 15852. Августинъ Алонзо гдѣ новой поэмѣ: „Historia de las hazañas y hechos del invencible caballero, Fernando del Carpio por Agustín Alonso" Toledo, 1585. Но все эти произведения вскорѣ были и забыты или совсем забыты.

Нелзя того же сказать о поэмѣ Луиса Бараконны де Сото „Angelica", или какъ ее обыкновенно называютъ „Las lagrimas de Angelica" (Слезы Ангелики). Первая двадцать поемъ „Primera Parte de la Angelica de Luis Barahona de Soto" были изданы въ Гранадѣ 1556 и 15762. и заслужили необычайную похвалу со стороны лирическихъ поэтовъ того времени; похвалы эти нашли себѣ отголосокъ и въ позднѣе время. Luis Barahona de Soto, авторъ поэмъ, былъ докторомъ въ одной малоизвѣстной деревушкѣ близъ Севильи, но, какъ поэтъ, онъ былъ извѣстенъ во всей Испаніи. Ему восхищались Силвестре, Эррера, Серина Меса, Диего де Мендоса, Лопе де Вега и Сервантесъ. Последний заставлялъ капеллана, разбитаго равнаго Библіотеку Дотъ-Кихота, сурьглавъ бросаться спасаться изъ пламени „Las lagrimas de Angelica" со словами: „Я расплакался бы самъ, если-бы книга сгорѣла, ибо ея авторъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ не только Испаніи, но

и всего мира? Похвалы, расхожая поэма Сохо, были, конечно, преувеличены; что до Сервантеса, не редко прерывающего нить своего рассказа, то, бы похвалить Сохо, то похвалы Сервантеса ничьи свои несоразмерно несоразмерно гордым друзьям, бы, давно связывавшим обилие писателей.

В дийевидентности своем восхваляемая поэма Сохо никогда не была окончена или переиздана. Она слушать продолжения „Orlando Furioso“ Ариосто и содержит историю героини посыл я залучившая и оказывающая возведение ее на престол, как, ценный у ней королевой-соперницей. Приключе, ния героев и героиня описываются несообразно, а Демографов и его гары возмущают улыбку. Но главный недостаток поэмы Сохо, что она скучна; в ней нет и зычи блеска и веселости ее велика, го пролога.

О продолжении „Orlando L'Inferno“ Вегого фресс будеть у размогрозония зборгеской дийевидентности этого поэта; о недооконченности стихотворения Кебеда на Сохо-не стожеть не стожеть упомянуть.

Испанский театр и драма до конца XVII в.

Задачи испанской драмы, которой судимо бы, но досужность замечательно высокого и по искуству, судящего развудя, какого не досужность в Испании ни

одним изъ отдѣловъ литературы, были одинаковы съ за-
гаками новѣйшаго театра вообще во всей Европѣ —
они были тѣсно связаны съ церковно-религиозными
сценическими представлѣніями, грезвычайно рано
развившимися въ Испаніи.

Но въ послѣдней запискѣ драматической поэзіи
могли тѣмъ легче обнаружиться въ средневѣковой фор-
мѣ духовныхъ представлений до самаго XVI столѣ-
тія, что именно драматическая форма, какъ самая
народная и особенно лелѣемая церковью, всего
легче могла не поддаваться воздѣйствію инозем-
ныхъ элементовъ, такъ что единичныя попытки
къ подражанію древне-классическимъ трагедіямъ
и комедіямъ, на испанскомъ языкѣ не оказывали
ни малѣйшаго вліянія, какъ это видно изъ малоч-
Сервантеса и Лопе-де-Веги въ послѣдующее время.

Едва ли еще основаніе сомнѣвается, что въ средѣ
древняго римскаго театра, кромѣ архитектурныхъ
оформовъ, свидѣтельствующихъ объ его быломъ величіи,
исчезли въ Испаніи вслѣдствіе завоеваній къ араба-
мъ, національной характера корорыхъ относились въ
высшей степени враждебно къ драматическому иску-
ству. Трудно также опредѣлить, къ какому именно
времени относится возникновеніе въ Испаніи ре-
лигиозныхъ представлений, усложняемыхъ духовенствомъ.

1) Развалины римскаго театра сохранились еще въ Севильѣ (Тіана),
въ Параконтѣ, въ Мурвиедро (Садитим), въ Меридо и др. городахъ.

Повидимому, они возникли весьма рано. Уже около половины XIII века они были далеко не новинкой. Но до нас не дошло ни одного отрывка из них, но даже ни одного слова о них сведений. Равным образом мы не встречаем ничего из драматического и в староиспанской поэзии Испании до конца XV столетия, хотя и попадаются указания на нечто подобное; но все они слишком скудны и неопределенны.

Произведение, которое ближе всего подходит к духу драмы и особенно к форме, первоначально усвоенной староиспанской драмой в Испании, это — либо, по крайней мере, под названием Comedia de Mingo Revulgo (Сурроги или куплеца Минго Ребулго). Речь в нем идет о дурном положении дельца в государстве в последние годы беззаконного правления Генриха IV. Состоятниками являются два паслуха. Одного зовут Минго Ребулго (испорченное Domingo Vulgus); он пренебрегает собою и народом. Другого зовут Хуан Аррибадо, или Хуан Превознесенный; он воплощает в своем лице высшие классы общества. Диалог открывается восклицаниями Аррибадо, который, в одно воскресное утро, видит вдали Ребулго, плохо одетого и грустного:

A: Mingo Revulgo, Mingo! „Ах! Минго Ребулго, Минго!

A: Mingo Revulgo, ¿ао! ¿то стало с твоими голубыми
Que es de tu sayo de blanco? плащом?

No le viétes en Domingo? Razвъ же его не носимъ больше по vos.
 Que es de tu jupon bermejo? Куда дѣвалась эта ^(красная) куртка?
 Por que traes tal sobreceso? Зачемъ эти нахмуренныя брови?
 Andas esta madrugada. Ты сегодня ходишь узркомъ.

La cabeza desgreñada: Съ пошукшено головою: —

No te lloras de buen rejo? Чумъ не горькй ли задожа снѣданювъ
 Revulgo озвѣтаеуъ, что виного всему дурное положе^(дѣла),
 ние сѣада, управляемаго сѣомъ неспособнымъ насуремъ.
 Gil Arrivato говориуъ абзоридеумивемъ зономъ пророка,
 оплакивая разореніе государсва, обвиняеуъ оны въ зломъ
 главнымъ образомъ проеюй народъ, понавшій, по его
 словамъ, подъ власты такого разбразнаго и безчестнаго
 насуря, лишь благодаря содербенной слабости и поро,
 камъ... Подъ видомъ аллегоріи они оба тѣко, но дѣлы,
 но возежатоуъ прозвѣтъ дѣмъзвѣй правительсва, корица,
 поуъ низкій и зрусливый характеръ короля и его низ,
 кую сраеуъ къ португалсконъ фаворизмъ, предаюуъ
 позору пагубное равнодушіе народа, и кончатомъ
 похваиснымъ словомъ доволсву, которое наило
 себѣ приноуъ въ среднихъ классахъ.

Диалогъ — сауира въ формѣ Эклоги, написанная
 непринципиальнымъ и бойкимъ Язикамъ испанскаго
 проеюнарода. Весь диалогъ, состоящій изъ 32 купле,
 зовъ по 9 строкъ въ каидомъ, произвелъ въ свое вре,
 мѣ смѣльное внезаптаніе. Сауира, повидному, напи,

сама въ 14722., а въ XVI столѣтїи она была гасно
перетерзанна и двасиди снабжена уреними кон.,
летзарїями. Авторъ благоразумно скрылъ свое имя,
которое и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Перво,
начало ^{приписавали} эту саггу Хуану де Мена, знаменитѣйше-
му поэту того времени, но Хуанъ де Мена принадле-
жалъ къ совершенно приживопалоской полицие,
ской парфїи.

Древнѣйшія изданія предполагають, что діалогъ
„Corlas de Mingo Revulgo“ принадлежишь Родриго Кожа
сгаричу, родомъ изъ Толедо, которому приписывають
также „Dialogo entre el Amor y un Viejo“ (Разговоръ Аму,
ра со сгарикомъ), относящійся къ той же эпохѣ и от-
носящійся къ меншимъ оснвлениемъ и еще болѣ-
шимъ драматизмомъ. Мы видимъ сгарика, живущаго
въ бѣдной жилищѣ среди запущеннаго, разореннаго
сада. Вдругъ поивляеся Амуръ, и сгаричъ восклицаетъ:
„Что здѣсь здѣсь нурино? Дверь моя затерра. Какъ ты
вошелъ сюда? Расскажи мнѣ, какъ, подобно вору, ты
перелѣзь черезъ стѣну моего сада? Тогда и разсудомъ
освободили мнѣ оръ зедя; оставь же мое сердце, добро,
больно удалившееся въ это уединеніе, думаяхъ зомско
о прошломъ“. Онъ продолжаетъ затѣмъ описывать
свое грустное положеніе и еще болѣе яркими
красками описываетъ самого Амура, на что послѣдній

хладнокровно возражает: «Мне твои слова я вижу, что ты не хорошо знаешь меня? Споры продолжаются, и победителем, конечно, окажется Амурь. Ты обещаешь сфарисею, что садь его будешь расщипать и молодое его вернешь, но, когда сфарись легкомысленно пала, гася на эти обещания, Амурь поднимает его на смех за то, что он в его мифа еще надеется быть насущно привлекаемым, чтобъ разсчитывать на чепуху».

Подобно куплетамъ Минго Ревуло, этотъ діалогъ напоминаетъ собою пасторали, игривая публично-нѣсколькѣ мѣръ сущая, и есть основаніе думать, что онъ нѣкогда былъ образомъ подготовилъ путь для про, изведеній этого рода. Весь діалогъ — «Разговоръ Амура со сфарисомъ» — написанъ легкимъ, непринужденнымъ, живымъ языкомъ. Хотя онъ и удобенъ для представленія на сценѣ, подобно другимъ флогамъ, но былъ ли онъ когда нибудь игривъ — неизвѣстно. «Diálogo entre el Amor y un Viejo» былъ первоначально напечатанъ въ «Cañonero General» 1511 г. Трагическое вліяніе этого сфариннаго діалога на зарождавшуюся драму дока, забавляетъ многократно, какъ мы это еще увидимъ у Эспины, основателя свѣтскаго театра въ Испаніи.

Основанію испанскаго театра сильно послужила заглавнѣе «Celestina», драматическая исторія, современн.

над збуль зорско што уномянуць збуль дIALOGАВЪ и,
 по всей второкъности, отчаски принадлежанавъ зору
 зне авзору. Это — какъ мы уже раньше замѣтили — про,
 замѣское сочиненіе, раздѣленное на 21 актъ и перво,
 начально носившее заглавіе: Трагикомедія о Калисто
и Мелибей.¹⁾ Первый актъ, самый длинный, былъ, вѣроятно,
 но, написанъ Родриго Кота, изъ Толедо, около 1480 года.
 Действіе пьесы открываеца въ окрестностяхъ одного го,
 рода, вѣроятно, Севильи, сценного мезиду Калисто, знам,
 ный молодый человекъ и Мелибей, юной особы,
 еще больше знарнаго происхожденія чѣмъ Калисто.
 Онъ безрочно Мелибей въ саду ея оуца, куда онъ за,
 шель, что ^{онъ} оуискаетъ своего сокола, и при этой пер,
 вой безрочно обращаеца къ ней съ любовными обьяснен,
 ніями. Но резульцатъ свиданія и обьясненія зоръ, то
 самоубѣренный юноша, оскорбленный и униженный,
 ный отказалъ, по возвращеніи домой запираеца съ оу,
 чадніи въ земляную комнату. Селмироніо, его слуга
 и поворенный, догадываеца о причинѣ печали своего
 господина, совзурецъ ему образица за поможество къ
 одной старухѣ, съ козорого зоръ безправенный ла,
 кей бошелъ въ сдѣлку и козорая славеръ отчаски
 колдуней, отчаски масерницей по часки пригозовле,
 ний любовныхъ написковъ. Личность зра — Селеси,
 на, козорая утвернно обьяцаеца Калисто, что Мелибей

1) „Calisto y Meliboea“.

будеть принадлежать ему и съ этой минуты приобрести, заесть неограниченную власть надъ нимъ и всеми его окружающими.

До этого пункта доводяще свой разсказъ Педро Кожъ и заесть по неизвѣстнымъ причинамъ внезапно обрываетъ его. Манускриптъ нѣтъ охрѣва распроекра, нѣтъ во многихъ спискахъ, приводя въ восторгъ испан,скую публику. Фернандо де Рокасъ изъ Монзалванъ, бакалавръ правъ, жившій въ Саламанкѣ, по просьбѣ нѣсколькихъ друзей взялся докончить Селескину и по его содѣвственнымъ словамъ исполнилъ это въ двѣ недѣли вакацій. Кроме того изъ заглавныхъ буквъ акросиха образуетъ такая фраза: „El Bachiller Fernando de Rojas acabó la comedia de Calisto y Meliboea, y fue nascido en la puebla de Montalvan“ (т.е. бакалавръ Фернандо де Рокасъ окончилъ комедію о Калисто и Мелибей; онъ родился въ городѣ Монзалванъ). Онъ началъ второй актъ съ описанія незертвннѣ Калисто, понукающаго Селескину поскорѣе открытъ ему до, сущнѣ къ знаемой и высокообразованной дѣвушкѣ. Эта пошлая и низкая шениция проникаетъ въ даль озна Мелибей подѣ предложомъ продажи дамскихъ бездѣльишекъ, и, разѣ добившись входа, легко оуыски, ваеъ средсво обезпечить за собою право на возвра, щеніе. Заесть слѣдующе интриги самаго грубаго свой,

суба между мужской и женской прислужкой, а среди
 эхель ищутъ съ необыкновенного безсрочного расхуль
 злоумышленія и козми зворца вельхъ золь — Селе,
 сунты, руководящей вельхъ и пускающей въ ходъ
 вель свои способности и средсуба. Никто, повидимому,
 не въ силахъ противостоятъ ей хитрой и злобредной
 болтъ. Она говоритъ какъ свѣдая или какъ философъ,
 смотря по тому, что пригоднѣе для ея цѣлей. Она искутъ,
 угрожаетъ, замучиваетъ. Ея беззащитныя находки,
 воетъ никогда не измѣняютъ ей. Никогда не забываетъ
 она своей главной цѣли и не уклоняется отъ нея.

За это время у несчастной Мелибен посредсубомъ
 всевозможныхъ ухищреній, вкрадчивости и обольще,
 мѣя вельмогаетъ признаніе въ любви къ Калиско.
 Въ этой минутѣ ея судьба рѣшена. Калиско поспѣва,
 етъ ее тайно ночью. Ухищренія безсрочо близится къ раз,
 вѣзкѣ, но и вездѣ не заставляеть себя долго ждать.
 Между людьми, помогавшими Калиско устроить первое
 свиданіе съ Мелибено, возникаетъ ссора при дознаніи
 полученныхъ отъ него денегъ: Селескому въ минуту
 ея высшего зорисуба удивляютъ ея содѣянные низкіе
 сообщники, изъ которыхъ двое показуютъ Басманъ и
 въ свою очередь падаетъ подъ ударамъ полицейскихъ
 агентовъ. Происходитъ страшная сумятица. Калиско
 сифалетъ косвеннымъ выговоромъ смерти Селескому,

погибшей на его службе, и некогда изъ ея прислуж-
никовъ приходять въ закую Яросла, что увлекаемые
мечью, рываюся слѣдить за нимъ по пѣрау, когда
онъ отправляется на свиданіе съ Мелибею. Здѣсь
происходитъ ссора между ними и прислужного, по-
сравленного на улицѣ для охраненія мѣсяца сви-
данія. Калмезо сѣвшихъ къ ней на помощь, но
его сбрасываютъ съ лестницы, пригелъ отъ удива-
ренъ до смерти. Мелибѣя сознается въ своемъ преступ-
леніи и, формуля сядомъ и отчаяніемъ, бросается
съ высокой башни. Вся эта плачевная и ужасная
мезорія заканчивается стозобаніями удивало горель
отца надъ бездыханнымъ тѣломъ своей дочери.

Трудно предположить, тогда конецъ пѣсви былъ
именно заковъ, какими задуманъ его первый авторъ,
Родриго Кожа. Рохасъ навѣрно не зналъ даже, кто
былъ авторъ и очевидно находился въ полнѣй-
шемъ невѣдоміи относительно его плановъ и на-
лей. Родриго Сота былъ крещеной еврей и впослед-
ствіи поощрялъ преслѣдованія религии, отъ ко-
рой самъ отрекся. ~~Кромѣ~~^{кто} ~~рожа~~ Alonso de Villegas'o
Кожъ говорить: «Не смотря на своего бѣдность и низкое
происхождение, Кожа, благодаря своему знанію (ciencia),
былъ въ состояніи начать великую Селезуну, ко-
торую докончилъ Рохасъ, галамъ, дозоймвй амброзін,
1) въ суживореніи, предпосланномъ его „Selvadia“, 1554г.

сходящий выше всяких похвал. Кроме того, Рохаев сам говорит, что попавшийся ему под руку оубри, воль был комедия, между тем как оубриная гасу пбеса оказалась на сколько изобилующей пресулле, кийми и кровопролитиями, что отъ не мовъ имает на, зваръ все сочинение какъ траги-комедией.

Но Селесуита скорее драматический романъ, чѣмъ драма, въ собственномъ смысле слова, или хотя серьезная попытка произвести драматический эффектъ. Однако, какъ бы мы ни определяли ея форму, Европа не можетъ ничего прозубоосравить на своихъ театрахъ въ ту же самую эпоху равнаго ей по литературному до, сфонсербу. Вся она исполнена жизни и движения. Ея характеры, начиная съ Селесуиты и оканчивая ея дер, зкой, лживой прислугой и наглými созоварками, все огерчены съ искусствомъ и правдивостью, рѣдко встрѣя, чающимися въ лучшій эпохи испанской драмы. Имен, но характеръ Селесуиты, хотя первоначально задуман, ный въроизно по образцу менскаго характера въ од, номъ произведеніи Квата Рюиса, Турскаго пресвитера, отчасти съ подобными же претензіями, но обнаружен, ваея зорнае во всемъ своемъ блескѣ. Слово драмы езе, сзветъ и правилена, иногда блесудитъ, и встоду переса, панъ идиозизмами, составляющими принадлежность настоящего стариннаго касрильскаго діалекта; безспорно,

1) изъвѣстной *trota-conventos* (подъвѣщской по монахурияль),

это такого слога не достигала до нея испанская проза, да и пошла над его рывком удайся вверху. По временам, правда, насъ въ ней непріятно поразаетъ не пыльное и сухое целованіе своего ученосства, но это малкое злословіе равно какъ и черныя грубыя нравовъ, возмущающіяся въ ней, составляють недосадокъ, свойственный вкусу.

Раздѣленія Велеситы въ оригиналь называются астос; но, собственно говоря, нельзя называть ни актами, ни сценами отдѣлы, на козорые она подраздѣляется, такъ какъ въ ней перемѣшиваются самымъ безпорядкомъ образомъ въ одной и той же сценѣ разговоры, козорые необходимо должны были происходить въ одно и то же время въ различныхъ мѣстахъ. Но главнѣй недосадокъ этой ^{Селеситы} пьесы состоитъ въ томъ, что болѣе чаше ея заимствана неприсвойного распущенности мысли и выраженій. Мы зовемъ съ зрѣдостью то, чему понять, почему духовной или гражданскія вла, ели не восприняли ея распространенію въ публику. Второю это произошло оттого, что Велеситина завѣдала отчасти претензію быть написанной съ цѣлюю предупредить молодежь отъ искушений и преступленій, съ козорыхъ она такъ развязно стинаетъ покровъ; другими словами, она выдавала себя за книгу съ правдоуказательной тенденціей. Несомненно, что многіе

что до появления *Донъ-Кихота*, ни одна изъ испанскихъ книгъ не пользовалась такою известностью въ Испании и за границей, какъ *Селескина*. Хотя по своей длине и постройке она никогда не могла быть покровителькой на сцену, но благодаря своему драматическому духу и движению она не осталась безъ влияния на последующую национальную драму.¹⁾

Трагедийный характеръ *Селескины* естественнo вызвалъ целый рядъ подражаній, большая часть которыхъ была еще оскорбительнѣе для общесвѣтлой нравственности и приличія, чѣмъ сама *Селескина*, не говоря уже о томъ, что весь они въ мизерабурномъ отношеніи сроднились съ образца. Но прежде всего надо упомянуть, что въ 1513г. Педро де Урреа (изъ одной семьи съ переводчикомъ Аристеро) переписали первый актъ подлинника *Селескины* въ прекрасное касильское суждѣнн и посвятили ихъ своей матери, а въ 1540г. Хуанъ Седенсо сдѣлалъ тоже самое относительно всего сочиненія. Это касается до подражаній, до одного изъ нихъ, подъ заглавіемъ „*La Segunda comedia de Celestina*“ („Вторая комедія о *Селескино*“), гдѣ она воскресаетъ изъ мертвыхъ, было издано въ 1530г. Фелисиано де Сильва, авторомъ стариннаго романа „*Flores de Xiquera*“ и многисеріа другихъ романовъ изъ семьи *Амадисовъ*. Комедія эта не была безъ цѣльа. Она имѣла четыре изданія. Второе подражаніе Гаспара

1) О первомъ известномъ изданіи *Селескины* 1499г., озаглавлен. поимѣ „*Comedia*“ и разделенномъ на шестидцать актовъ, см. сраженіе Вольфа въ *Blätter für Literarische Unterhaltung*, 1845г. Въ этой сраженіи непернатъ весь вопросъ.

Томаса Золедского подвинуло в 1537 г.; урресе 1547 г. при, надписи у перу Себастьяна Фернандеса под заглавием „Tragedia de Polissana“ в 29 актах; реверзо, Хуана Родригеса Фророрана, вышло в 1554 г., в 43 сценах, под заглавием „Comedia Florentina“; и второе, „Selvalgia“, в пяти актах, было написано и издано в том же 1554 г., ^{Алфонсо} Алфонсо де Виллегасом, которого мы косну, мы уже раньше.

Повести и романы, называемые Селесунимы, следо, были немного позже, в большом количестве; мы говорим не только, как „Ingeniosa Helena“, „Flora Meravillilla“ и „Virrosina“ (которую Кеведо-Кеведо восхваляет) не имеют литературного достоинства.

Наконец Селесунимы попали на театральные под, мочки, для которых ее драматический характер да, мале ее форма пригодной. Померо Селеса в 1582 г. за, превратил из нее половину своей „Comedia Selvalge“, которое еще никто иное, как первые четыре акта Селесунимы, переложены в главные сцены. Поэтому основной упрям Селесунимы в том виде, в каком она была первоначально задумана Козо и Рохасом, про, должна воспроизводиться на сцене в таких пьесах, как „Селесунимы“ Мендозы, „Взрост Селесунимы“ Абуеги, на Саласара и „Школа Селесунимы“ Саласа Барбадалго, — появившихся вскоре после 1600 г., а также и в других

написанный поэзе. Также, напр., Алфонсо Веласкес де Веласко, около 1602 г., переделал драму в прозу, под заглавием „El Celoso“ (Ревнивец), изъ ликомъ заимствованную изъ Селескина, характеръ которой подъ именемъ Лема обрисованъ почти такъ же живо и удачно, какъ и характеръ самого оригинала. Хотя грубость и непристойность наполняютъ весь эли подражанія, однако даже въ наше время драма, заимствованная изъ Селескина, имѣла успѣхъ на сценѣ. И такъ, вѣрные Селескины, повидимому, еще не прекратилось, хотя она и заслуживаетъ вниманій только по живому воспроизведенію самыхъ недогадываемыхъ чертъ человѣческаго характера и по своему необыкновенно правильному, прекрасному и характерному кастильскому языку.

При

Juan de la Encina (1468-1534) и его послѣдователи.

Наши уже разсмотрѣнныя сочиненія „Минго Ревуэго“, „Амуръ и Сэррикъ“ и „Селескина“, възбудя въ насъ, несомненно приводя насъ къ извѣстному основателю своего театра въ Испаніи, Хуану Энсинѣ. Рохасъ, великій авторитетъ во всемъ, что касаеся театра, относитъ къ одной эпохѣ паденіе Трагедіи, открытія Колумба и основаніе испанскаго театра Энсиного — событія, который онъ, въ силу своей актерской профессіи, склоненъ свести почти на одну

1) Agustín de Rojas, *Viage entretenido*, Madrid, 1614.

Тоску. Точную хронологическую дату последнего собо-
рца сообщают намь одинъ "углемъ анцикварий" времени
Филиппа IV., Въ 1492 г., говоря о томъ, "Фрунъ аккерове
начали играть публично въ Кастилии пьеса Хуана
Энсимы". — Такъ это 1492 годъ, великий годъ открытiя
Америки, мы можемъ положительно сказать эпохой
основанiя стожскаго испанскаго театра.

Хуанъ Энсима (или Энцима; онъ различно под-
писывается свое имя подъ различными изданiями своихъ
сочиненiй, какъ-то: Энсима 1496 г., а Энзина 1509 г. и пр.)
родился въ 1468 или 1469 году, втородично въ той дерев-
нѣ, отъ которой онъ получилъ свое прозвище. Скон-
чивъ образованiе въ соседнемъ Саламанкѣбѣ уни-
верситетѣ, гдѣ онъ имѣлъ случай приобрести покрови-
тельство его канцлера, одного изъ членовъ магистратъ,
тѣмъ входилъ въ извѣстнаго фамилии Альбы, Энсима
вскорѣ затѣмъ появился при дворѣ, и двадцати лѣтъ
младъ бы возростаемъ его въ свитѣ Фадрика Толед-
скаго, перваго герцога Альбы, козрому, какъ и его же,
мѣ, онъ посвятилъ болѣе гасъ своихъ поэтическихъ
произведенiй. Въ 1496 г. онъ издалъ первое собранiе сво-
ихъ сочиненiй, разделенныхъ на четыре гасъ, послѣ,
добавлено посвященiемъ Фердинанду и Изабеллѣ,
герцогу и герцогинѣ Альбы, принцу Хуану и Дону
Барсия Толедскому, сыну своего покровителя. Итискоиско

1) Rodrigo Mendez de Silva.

поэзия Энеаса отправилась в Рим, где онъ былъ по-
свещенъ въ священники и, благодаря своимъ музы-
кальнымъ дарованиямъ, стался директоромъ капел-
лы Лева X - высшая часть, какого въ это время мръ-
ковь почтилъ его талантъ. Въ течение 1518-1520 годовъ
совершилъ съ фадрикомъ Афаномъ Риберо, марки-
зомъ Тарифо, путешествие изъ Рима въ Иерусалимъ
для поклоненія святымъ мѣстамъ. По возвращеніи,
въ 1521 г., онъ издалъ (довольно плохое) стихотворное
описание своихъ благочестивыхъ подвиговъ, перепол-
ненное великими похвалами маркизу и созна-
ніемъ своего счастья жить въ Римѣ. Въ болѣе преклон-
ныхъ годахъ, однако, получивъ приорство въ Леонской
провинціи въ награду за свои заслуги, Энеаса воз-
вратился на родину и умеръ въ 1534 г. въ Саламан-
кѣ, въ соборѣ которой показывалось его гробницу.

Хуанъ Энеаса слагалъ множество веселыхъ м.,
римскихъ стихотвореній, нѣскольکو сельскихъ нѣ,
сенокъ (villancicos) въ саринскомъ народномъ сти-
лѣ и двѣ или три описательныя поэмы, изъ коихъ
была самая замѣчательная „Видѣніе Храма Славы
и знаменіиоседей Касилии“ (Vision del Templo de la
Fama y glorias de Castilla), где онъ описалъ восхо-
жденіемъ похвалами Фердинанда и Изабеллы, какъ
будто бы они были его покровителями. Большая

часть его небольших поэм была написана на гаск, ные случаи и не имьеть больших достижень. Самое важное изъ оставленнаго имъ поэтическаго наследія — это драматическія произведенія, названныя самимъ Энесимо „Representaciones“ (т. е. Представленія).

Изучая драматическія опыты Энесимы, какъ первая попытка создать испанскую драму, слѣдуетъ обратить вниманіе на двѣ вещи. Во первыхъ на выдержанную постройку и основной характеръ его произведеній. Они — Эклоги лишь по формѣ и названію, а не по существу и духу. Хуанъ Энесима, объ чужеземности котораго свидѣтельствуетъ поэтическое описаніе пуртисеви въ Палесингу, началъ съ перевода или вырванья съ переложенія десяти Экловъ Виргилія, приморавлявая пьесозоры изъ нихъ къ событіямъ царствованія Фердинанда и Изабеллы, или къ превращеніямъ въ судьбѣ фамиліи Альба.

Загвоздь Энесима легко перешелъ къ сочиненію Экловъ, которыя были разыграны въ присутствіи его покровителей. При этомъ онъ естественнo дополнилъ быль находящуюся подъ вліяніемъ воспоминаній о религиозныхъ представленіяхъ, пользовавшихся большою популярностью въ Испаніи со времени Альфонса X и поединно сопровождавшихъ вѣтъ великихъ

церковный хорхеуса. Поэтому шесте его эклогъ, со-
гласно старинному обычаю, въ сущности были про-
сбыты диалогами, на манеръ згаль, которые розыгры,
балетъ въ Росидеусво, въ Пасху, или въ зеченіе наезд-
ницы и поезда. Въ одноиъ изъ нихъ представлено вно-
лескскій ясли, а въ другоиъ свѣдая гробница, въ
которой совершается погребеніе Спасителя.

Оригинальнѣе изъ эклогъ вполне свѣзскія: зри изъ
нихъ содержатъ почти въ родѣ романтическнхъ исто-
рій, въ безверной выводятся на сцену пасхуля, козо-
раго безнадѣжная любовь доводитъ до самоудійсва,
а въ пѣзгой представлено базарный день, шутки и
ссоры между поселянами и студентами; матеріаломъ
для подобнаго рода фарсовъ Энесина ильми превос-
ходней случай запасуетъ во время своего пребывания
въ Саламанкѣ. Между згаль какъ первая шесте эклогъ
згаль приискатель въ старинномъ религиозномъ
представленіи, до эти пѣзгъ находящая въ тѣсной
связи съ зародившеюся свѣзскою испанскою дра-
мотою.

Не слѣдуетъ однако предполагать, что 'Representa-
ciones', какъ называетъ ихъ самъ Энесина, ильми
болшій драматическій доухорхеуса; напротивъ, они
грубы по формѣ и низкотонны по содержанию. Въ
нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣтъ по два или зри двойсвую,

щихъ лица и ни малѣйшей претензій на иппризу;
и ни въ одно мѣсто болѣе трехъ лицъ и ничего
похожаго на настоящую драматическую постройку.
Эклоги, въ которыхъ Энеида ближе всего подходитъ
къ настоящей драмѣ, озаглавлены: „Рисаръ, превра-
злившійся въ пасука“ (Pascuala, Dios te mantenga)
и „Пасука, превратившійся въ придворнаго“ (Ha
Mingo, quedaste ataca). Несомненно, что отъ пред-
ставленія одна за другою съ антрактами, на подобіе
существовавшихъ между акрами новѣйшихъ театровъ,
наша пьеса. Хотя поэтъ отдѣлилъ ихъ другъ отъ друга,
но въ сущности отъ соображенія одно цѣлое и долги,
мы быть разсматриваемы вкратцѣ.

Въ первой Эклогѣ пасука, козетка, чужого,
бывъ сдѣлаеся возлюбленною пасука Минго, при
появленіи блестящаго рыцаря, послѣ некотораго ко-
лебанія, отдаеъ предпочтеніе этому послѣднему, съ
условіемъ, что онъ сдѣлаеся пасукомъ. Этимъ не
лиризмъ превращенія въ присвоивленія обы-
чаго villancico и оканчиваеся пьеса.

Во второй Эклогѣ въ самомъ началѣ мы видимъ
рыцаря чужа начинающаго знакомиться пасушеского
жизнью и миццатаго средствъ убѣдить пасуковъ,
гали, отпаса въ домъ Оселка (Touchstone) въ „Какъ
Ванъ будеъ угодно“ Мексика отъправлеся ко двору

и сдѣлаются придворными. Въ слѣдующемъ заглавіи діалогъ авторы не пропускаетъ случая задѣть при дворные нравы и похваляетъ съ свойственной ему естественностью и граціей сельскую жизнь.

«Смотри, Лиза, какъ цура въ деревнѣ свѣтлин и какъ пріятно людямъ отдыхать въ тиши своихъ жилищъ. Проводящій обожновенно когъ со страданъ въ полѣ, поворъ лнть, не позабидетьъ жизни во дворцахъ. О! какое великое удовольствіе слушать пѣніе сверчка и тру на свирѣли! Никого не въ состояніи описать этого. Ты знаешь по опыту, какое наслажденіе не, возбуждаетъ насущь, измывающій оръ жара, когда оны псезь спокойно, перемывишетъ черезъ край фронзана или припавъ къ ручью, измывающелмущъ и журчаще, му между камней. О, какое удовольствіе сравнишь съ этимъ!»

Но рыцарь все-таки добивается своей цѣли. Пасухи перемѣннаторъ тларъ и весело смардмановся въ тузу, распѣвая въ видѣ финала охрочильную vil. lanciso, прославляющую всемогущество любви, превращающей пасуховъ въ придворныхъ, а придворныхъ въ пасуховъ.

Самое поэтическое место въ этихъ двухъ Эклогахъ безспорно еще упомянутое, гдѣ Лиза, идущій изъ пасуховъ, еще не вполне склонившійся

Испанская поэзия въ XVI столѣтїи.

на удовольствїя покинувши привычную ему счастливую сельскую жизнь, обращается къ Килло, описываетъ ея прелесть удовольствїя и радости въ выраженїяхъ болѣе искреннихъ и болѣе своеобразныхъ пасруме, скому боду, гдѣ все остальное въ эрнхъ оригинальнѣе диалогамъ.

Объ немъ написана двойными redondillas, напр.:

Cata, ¿il que mañanas,

En el campo hay gran fresco

Y tiene muy gran sabor

La sombra de las cabañas.

Quien es dicho de dormir

Con el ganado de noche

No creas que no reproche

El palaciego vivir.

Oh! que gasajo es oír — — —

образующими ослизопные франса въ восемь слоговъ сунтъ, въ общемъ прочъ онъ содержитъ до четырехъ сохъ пядзидесяти эрнокъ — количесво ясно свидѣтельс, съвѣющее какъ о направленїи, которое естественнѣе принятъ фаланхъ Луана Элеина, замк и о высодъ, которой онъ мотъ доуизнухъ.

Въ изданїи 1496 года эрнхъ нсехъ (Representaci, ones) содержитъ девять, а въ двухъ послѣднихъ — одинъ, надцадъ. Какъ уже сказано, онъ имѣетъ характеръ

Эклова, хотя одна из них, трудно сказать почему, названа „Auto“. „Auto del Rerevon“ или „Актъ драки“ — описание ссоры, происшедшей на Рала-матекскомъ рынке между студентами и паскуха-ми. Слово auto происходитъ отъ латинскаго actus; оно служило для обозначенія торжественныхъ церемоній всякаго рода, какъ напр. говоримось autos sacramentales Corpus Christi и autos de fe Мн. квинзими! Всь эти произведенія написаны ера, римскими испанскими размерами, во всякъ мѣхъ безъобразнаго пѣнія, а въ отнѣнъ даме записы. Слѣд., довадетно они содержатъ въ себѣ нѣкоторыя изъ составныхъ элементовъ содѣрженно свѣтской испанской драмы.

На Энеиду же надо смотрѣть какъ на основа, зелья не только испанскаго, но и португальскаго зелья, ибо первое драматическое опыты на португальскомъ языкѣ были до такой степени подражаніемъ псалма Энеиды и въ свою очередь имели такое громадное вліяніе на испанскій театръ, что стали неотъемлемою частью исторіи послѣдняго. Авторомъ этихъ опытовъ былъ нѣкто

Жиль Висенте (Gil Vicente). Годъ его рожденія не извѣстенъ. Дворянинъ, происходившій изъ благо-родной семьи, онъ первоначально готовился въ

1) по-португальски auto-da-fé (= латинск. actus fidei), рѣдкомъ съ этимъ „Auto da Fe“ (Огненное Дѣиствіе).

кордигеской карьеры, но рано покинула ее и посвятила себя драматургии. Она писала преимущественно для при-
дворных спектаклей Филиппа Великого и Хуана III.
Взгляд его на творчество, как драматургического писателя,
относился к промежутку между годами 1502 и 1536,
а смерть она в 1557 г.

El Vicente написал всего сорок два пьесы, в
числе которых были духовные драмы и комедии, траги-
комедии и фарсы. Но большинство из них в сущности,
суть небольшие сценические пьесы и духовные эклоги.
Первая поэтическая опера Виценте появилась в 1502 г.
Из его первых пьес — самая любопытная и характер-
ная носит название „Auto de Sibylla Cassandra“ (Пьеса
о Сивилле Кассандры) и была разыграна в богахалье
старинного монастыря Санто-Доминго, в Вальдекево,
в присутствии королевы-матери. Это эклога на испан-
ском языке, написанная франками, всего гуще упо-
мянутыми Элимом. Героиня Кассандра, ведущая
таинственную жизнь, является женой не менее чем в 70
в роду своей пророчицы, митрополит указаний на
близкое рождение Спасителя. С самого начала пьесы
она появляется на сцене и остается там до конца,
составляя центр, вокруг которого группируются ее
персонажи действующих лиц. Это довольно безвзвешенная
драма, странное сочетание древней мистерии и совре-

ментаро водевиля. Но она не лишена поэзии. Напр., она оканчивается следующими грациозными стихами Мадонны, которых авторъ и прозе исполнилъ поэтъ французъ:

Muy graciosa es la doncella, Девка эта исполнена необыкновенной прелестью; —
Como es bella y hermosa! Какъ она мила, какъ хороша!

Digas tú el marinero, Скажи намъ, же, о морякъ,
Que en las naves vivias, Жившии на корабляхъ, —
Si la nave ó la vela ó la estrella Корабль, парусъ и звезда —
Es tan bella. Обладаютъ ли подобной красотой?

Digas tú, el caballero, Скажи намъ, же, о рыцарь,
Que las armas vestias, Носившии доспехи, —
Si el caballo ó las armas ó la guerra Конь, оружье и война —
Es tan bella. Обладаютъ ли подобной красотой?

Digas tú, el pastorcico, Скажи намъ, же, о пастухъ,
Que el ganadico guardas, Пасущии стада,
Si el ganadero ó las valles ó la sierra Счадо, долины и горы —
Es tan bella. ¹⁾ Обладаютъ ли подобной красотой?

Какъ эта жакъ и весь друиъ ея подобныя пьесы Хилья Вишенге имѣютъ характеръ духовныхъ экловъ, и были разыграны съ пылкостью и замечанья въ присутствіи короля Мануэля, королевы и многихъ высокопоставленныхъ лицъ; даже отъ были отправны въ монастыри и соборы для назиданія людей, самыхъ религиозныхъ. Во всякомъ случаѣ икъ должно разъ,

¹⁾ Ch. Vicente, Obras, Tom. I, p. 64.

смазриває, какъ подразнаніе эколоахъ Эисима.

Но Висенте не озабочився на эколоахъ. Поо,
изреченный центьхоль онъ написалъ нѣсколко драмъ,
козоровъ, не смотря на ^{не}правильность постройкы и пол,
нѣйшее невниманіе къ предписаніямъ вкуса и
приличій, все-таки въ обществѣ сродни выше всего,
что могла представлять за это время драматическая ли,
Герардура Мепанин и Португалин. Такова, напр., комедія,
озаглавленная „O Viudo“ (Вдовецъ), играемая въ при,
судебнѣ двора въ 1514 г. Она начинается зналобамъ
вдовца, Бурросекаго негодяица, на похорохъ люблицы
и второй жены. Сначала его утѣшаетъ похаль на осно,
ваніи религиозныхъ соображеній, затѣмъ болзуетъ со,
сѣдѣ, илтоуцїи сварливую жену и завѣряющїи своего
друга, что его похорохъ по вѣсьмъ вѣроуднѣмъ не очень
велика. Двѣ дочери неугошканаго вдовца нисросердеч,
но дѣлать его горе. Но печаль ихъ смягчается появ.
леніемъ благороднаго любовника, скривающагося
подъ одесидото пазуха, чтобы легче найдти доступъ
къ нимъ. Любовь его чезна и искренна, но въ не,
скажїто онъ одинаково любить обѣихъ и не ухажива,
ель отдѣльно ни за дото, ни за другою. Смущеніе его
крайне усиливается и онъ похавляется въ кривическое
положеніе подвлекеніемъ оуца, обзавлѣющаго, что
одна изъ его дочерей должна вондти замужъ розгасъ,

а другая, вторично, въ зреліе недѣли. Въ отчаяніи благородный любовникъ призываетъ смерть и завѣщаетъ, что до конца жизни будетъ вторично и предантовить слугого обѣщать. Этобы выйдти изъ затруднительнаго положенія, какъ какъ отъ не можетъ жениться на обѣ, нѣ сестрѣ, отъ предлагаетъ быть озлаженъсва броситъ третій, которой изъ двухъ отъ досажается. Довѣшки принималотъ его предложеніе, но не вполнѣ. Отъ обра, щается къ принцу Луану, года двенадцати лѣтнему юности, находившемуся въ числѣ присудивующихъ, и проситъ его решить, которой изъ нѣ выйдти за герцог залучитъ. Выборъ принца падаетъ на старшую, что выдываетъ новыя затрудненія и безпокойсва, прекращающіяся подвѣщеніемъ брата передогого любовника и его готовностью жениться на младшей сестрѣ. Отецъ, сначала тѣсколско смущенный такимъ оборо, зомъ дѣла, даетъ вторю съ радостью свое согласіе на двойной бракъ, и драма заканчивается двумя свадьбами и погребеніемъ священника, исполненіемъ того обрядъ.

Здѣсь, конечно, нѣтъ интриги, но есть нѣчто по-хотнее на нее.

Три Autos (Действія), происходящія на зрѣль

+) Barca do Inferno, Баркаль, перевозимыхъ ("Barca do Inferno") души въ Barca do Purgatorio, адъ, ("Barca do Purgatorio", 1518г.) числулице и ("Barca da gloria,

da Gloriosa, 15192.) на него, послужили впоследствии
 Лопе де Вега мажорьялом для одной из первых его
 нравственных комедий. „La Rubena“, представленная
 в 1521 г., ближе подходит к драме, так же как
 и „Don Quandos“ (Дюардо), сюжет которого заимство-
 ван из пьесы „Пальмира“ и „Амадиса Галльского“.
 В обычных эпитафиях („Tragicomedias“) появились
 на сцену громадные тислы и, хотя в них нет
 ярко обозначенного драматического действия, зато не
 менее в них построены замкнуто как бы предубе-
 жден испанской героической драмы, явившейся по-
 томка спустя. Заглавие тоже одна из „Tragicomedias“
 — „Templo d' Apollo“, представленная в 1526 г. по случаю
 бракосочетания принцессы португальской с императо-
 ром Карлом V, принадлежит к одному классу с
 аллегорическими пьесами, появившимися впослед-
 ствии в Испании. Хотя все эти произведения крайне
 грубы и несовершенны, однако все почти заключа-
 ют в себя элементы будущей драмы. Нькогорая же
 из них, как напр. „Don Quandos“, превосходней по
 объему обыкновенную комедию, достаточно развить для
 того, чтобы мы могли судить об их драматических
 задачах. Впрочем талант Хуана Висенге обнаружен,
 ваять своего насущную силу не в построении и не в
 драматическом интересе его произведений, но в поэзии

и съ наибольшимъ блескомъ проявляются въ лирическихъ мѣстахъ его драмъ.

Первое, что поражаетъ насъ при изученіи произве-
деній Мигъ Рисенге, это число испанскій комидъ иль
и зо, что болышинство изъ нихъ написано на испанскомъ
языкѣ. Изъ всего ихъ числа десять написано на каштис-
скомъ нарѣчій, пятнадцать — отчасти или преимуще-
ственно на чель дие и семнадцать на португальскомъ.
Разсматриваемая въ совокупности, она представляють
собой все, что есть лучшаго въ португальской драма-
тической литературѣ. Жоан де Валлоз, историкъ, въ
своемъ діалогѣ объ испанскомъ языкѣ (*Varias Obras, Li-
bro, 1795*) восхваляетъ Рисенге за чистоту его мыслей и
слога и съ гордостью проводитъ параллель между ними
и авторомъ „Селехиты“, книги, по его словамъ, не имѣ-
ющей себя подобной на португальскомъ языкѣ.

Испанская драма сама по себѣ не представляла
нишего замѣчательнаго въ то время, какъ въ Португаліи
Рисенге давалъ толчокъ драматической литературѣ всего
Пиринейскаго полуострова, — толчокъ, который въ подстре-
блительныхъ отношеніяхъ между двумя странами и имѣ дво-
рами, не замедливъ отразился въ то же время и на Испа-
ніи. Въ зреліе двадцати пяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за
первыми драматическими опытами Эисены, въ Испа-
ніи не было оказано ни поощреній, ни поддержки

никакому драматическому поэту. Куант Энсима впол-
 нье удовлетворял ограниченными потребностями коро-
 лей и принцесс, его покровителей, и в зомь и другомъ
 государстве драма продолжала служить придворного за-
 бавою, разсчитанною на небольшою кружокъ высокопо-
 ставленныхъ лицъ. Конечно, французское Пиллоубо,
 сошь, придворнымъ врагемъ Фредрианда Кадолика и Кар-
 ла V, было переведено „Анфризрионъ“ Плавза и впервые
 издано въ 15152., но по всей втородности никогда не по-
 ставлено на сцену.

Толско въ 1517г. или немного раньше обнаружи-
 лось новое движение въ зрудномъ запади испанской
 драмы. Толскокъ на здохъ разъ было дано не Португа-
 лией, а Италией, хотя и черезъ посредство двухъ испанцевъ.
 Первый изъ нихъ — анонимный авторъ „Вопроса Любви“.
 Это произведение было написано въ Феррарь въ 15122.
 и содержитъ въ себѣ не лишнюю поэтическую доско,
 имену драматическую эклогу, которая была представлена
 при Неаполитанскомъ дворе.

Взорой, игравший больше знаменитую роль въ исто-
 рии испанской драмы, были Бартоламей де Торресъ Кла-
харро¹⁾ родившийся на португальской границѣ въ Пор-
 ресъ, близъ Бадахоса. Пробывъ нѣсколькое время
 въ плену въ Алжирѣ и выкупленный на волю,
 онъ посылалъ Гиль въ надеждѣ получить поддержку

¹⁾ Torres Naharro = Клаарро, но въ русск. переводахъ Клахарро.

отъ папы Льва X. Это было въ то самое время (послѣ 1513), когда въ Римѣ жили Иванъ Эпископъ. Но, благодаря своей сажирѣ прозвѣвъ пороковъ папскаго двора, Нахарро сдѣлала свое пребываніе въ Римѣ невозможнымъ, и притому, дѣти были бѣглыми въ Неаполь, гдѣ жили нѣкоторое время подъ покровительствомъ великодушнаго Фабриціо Колонна. Здѣсь мы окончатѣльно зѣремы по извѣдѣнью и знаемъ только, что отъ умеръ въ бѣдностѣ.

Нахарро находилась въ особахъ благопріятныхъ условіяхъ для преобразованія драмы, что озразила ему и удалое. Въ эпоху, когда отъ дѣйствовало, въ Мэалии и преимущественно при римскомъ дворѣ происходило сильное либеральное движеніе. Нахарро написала восемь пьесъ, называемыхъ иль „комедіями“. Но эти комедіи не даютъ намъ право заключить, чтобы она была хорошо знакома съ классической древностю, или чтобы отъ имѣла знаніе иди по сродству древнихъ. Вздоръ въ нѣсколькихъ словахъ даетъ намъ свою собственную теорію драмы, во всякомъ случаѣ не лишенную здраваго смысла. Находя разумнымъ зрѣваніе Торазія, тобы въ драмѣ было нѣтъ актовъ, отъ видя въ зрѣхъ перерывахъ дѣйствія не боится, какъ необходимой оудвѣ, и называетъ ихъ не актами, но „Торнада“, или дѣями.“ Что до числа дѣйствующихъ лицъ, то оно колеблется у него между

1) „Торнада“ дневной зрѣдъ, или однодневное изрешесудвѣ и проч. Сфаритская французскія либретти въ зоме дѣилимъ на жоннелъ.

6 и 12-не летние тесды и не болты дванадцати. Оу, посылелно тие правила, запрещающаго вводить въ сюзнезь посторонний мадерствль и не дозволяющаго днйствующимъ лицамъ говорить и днйствовать несообразуемо ихи драматическому характеру. Малаарро полагаеъ, что оно счотъ тие необходимо для драма, какъ руль для корабля, что нельзя не признаеъ основательнымъ.

Помимо соблюденія встать зтихъ условій, всея Малаарро встъ написаны зтихъ и начинаеъ тьмъ-то въ родъ пролога, называемаго ить "Introito". Прологъ здохъ въ болшинствъ случаевъ написанъ просымъ, забавнымъ языкомъ; въ немъ авзоръ проситъ благосклоннаго вниманія публики и сообщеъеъ краткое содержаніе всея.

Сюзнезь его драмъ грезвычайно разнообразны. Въ одной изъ нихъ, озаглавленной "Soldadesca", сюзнегомъ служишь вербовка солдатъ на службу паны. Въ другой, озаглавленной "Tinevaria" (или "Соловая для прислуги"), введены на сцену оргин, ухраемая въ домъ кардинала его разцлснкой и буйной прислугой. Третья, озаглавленная "La Fascinta", заключеъеъ въ себъ исторію дамы, жившей гдъ-то въ своемъ замкѣ не подалеку оу Рима, козоя насильно задерживаеъ путешестъ, венниковъ и выбираеъ себѣ между ними сурруга. Изъ двухъ остальныхъ, въ одной ("La Aquilana") описана.

подя приключений перестыраго принца, постыцало,
 щого дворя баснословнаго короля Леона и полка,
 ющаго въ награду за оказанныя услуги руку королев-
 ской дочери; въ другой („La Calamita“) повествуется
 о приключеніяхъ похищенной въ дѣтствѣ дѣвочки,
 подвергающейся различнымъ испытаніямъ въ самой
 низменной сферѣ жизни.

Способъ обработки де Торресомъ Нахарро своего ма-
 зеркала, его сухословіе, разнообразіе-созданныя
 имъ характеровъ и пр., всего лучше можно изучить
 на разборѣ его драмъ, а именно еще не упомянутыхъ
 нами „Торрея“ и „Путенео“.

Первая изъ нихъ, „Торрея“, написана въ гезе коро-
 ля Мануэля Португальскаго и дѣль оукровій и завоева-
 ній, когорыя были сдѣланы въ Индіи и въ Африкѣ подъ
 его покровительствовѣ. После длиннаго пролога (En-
 troito) первый актъ оукривается подвигами Слава, воз-
 вѣщающаго, что великій король своими священными
 войнами завоевалъ болге срачь, чѣмъ имъ упомяна,
 есь у Пролемей. Потомъ вельдъ за зумъ заявленіемъ
 подвляеся самъ Пролемей, покиснувшій годѣмъ брака
 и скорби съ специальнаго разроменія Плудона и сна,
 саетъ свою усеную репузацию. Во взоромъ актѣ на сце-
 ну входятъ два пасуха и приниматоеся меси се въ
 ошиданіи прибытія короля. Ихъ очень задавляеть

окружающее мѣ великолѣбіе; одишь мѣ мѣ садится
 на зрѣніе и коимъ то передразниваетъ селскаго священ-
 ника. Вовскоро между ними возникаетъ ссора и они
 не перестаютъ перекордѣсь до подвѣненія королевскаго
 паша, козорой принуждаетъ мѣ прекратить передранку
 и продолжать уборку комнаты. Празднѣ акцѣ занять
 скучнѣйшей рѣчью переводчика, убождющаго короля
 въ второподданническихъ глупствахъ двадцати покорен-
 ныхъ мѣ восточныхъ и африканскихъ царствъ, козо-
 рае не могутъ сами говорить по португальски. Король не
 удостоиваетъ эту длинную рѣчь ни однимъ словомъ отъ
 бога. Глупство акцѣ наполняетъ прикомъ глупость на-
 сучковъ, приносящихъ королю въ даръ лису, ягненка,
 орла и пѣтуха, и объясняющихъ не безъ юмора аллего-
 рическое значеніе своего приношенія. Король и на зрѣнь
 разѣ безмолвствуетъ. Въ пѣтухѣ акцѣ Аполлонъ переда-
 етъ Славу срихи, содержащія хвалу королю, королевы
 и принцу. Слава роздаетъ копій съ зрѣнь срихи присущ-
 ствующимъ за исключеніемъ одного насучка, вслѣдствіе
 чего между ю и насучкомъ возникаетъ споръ. Насучь
 насмѣшливо вызываетъ распространить по свѣту славу
 короля мануэля не хуже я, если только она снабдитъ
 его своими крыльями. Богиня принимаетъ его вызовъ.
 Насучь прикрываетъ себѣ крылья и производитъ полетъ,
 но раздвигается на сценѣ плашмя, и зрѣнь и villancico

заканчивается песня.

Другая драма, подь заглавиемъ Тименесо, мучил пер-
вой и въ ней заключаются задачи того, что впоследствии
послужило основаніемъ испанскаго народнаго театра.
Въ Introducho (прологъ) не имеемъ сценоу, особенно въ
даль мисралъ, где авторъ съ полной свободой касается рели-
гиозныхъ вопросовъ, что дозволяется по сцанной зертви,
можеи того времени подь условіемъ погрязелскаго отно-
шенія къ церкви. Въ первомъ акте первая сцена раз-
сривается на разсвѣтъ передь домомъ героини драмы
Фреден. Героин драмы Тименесо сообщаетъ публикѣ о своей
любви къ Фредену и уговаривается съ двумя своими слугами,
Фельми и Серрунзе еи на слѣдующую ночь серенаду. По его
уходѣ слуги разсудаютъ о своихъ собезвѣстныхъ дѣлахъ,
и Бореаль, одинъ изъ нихъ, сознается въ безнадѣжной
любви къ Доресель, слуганкѣ Фреден. Затѣмъ на улицѣ
появляется со своими слугами Бранъ Фреден маркизь, у
котораго при видѣ постыжнаго богсрва бывшихъ друзей
людей возникаетъ подозрѣніе, что здесь не безъ любов-
ныхъ шашней, и отъ удаляется съ намѣреніемъ зрѣа,
фельми наблюдаетъ за вѣтомъ происходящимъ.

Во второмъ акте Тименесо входитъ со слугами и
музыкантами и они поютъ Cancion и villancico, кодо,
рый не много лучше его. Фреденъ появляется на балконтъ
и послѣ разговора со своимъ возлюбленнымъ она обѣ-

щасъ приндего на слѣдующую ночь. По удаленіи ея Тимеко и слуги безвѣдную нѣкоторое время между собою: счастье дѣлаеъ Тимеко сообщительныиъ. Но они вѣтъ скрываются при приближеніи маркиза, подозрѣніе козорого заклинь образомъ вполнѣ подвѣриваеъ, и наизъ съ зрудомъ удерживаеъ маркиза оуъ немедленнаго нападенія на оскорбитель гесри его дома.

Презій акъъ всецѣло наполненъ любовными похоти, деніи, ни прислуги. Онъ огенъ забавель, какъ каррикатура на любовныя зрѣвоги и волненія господъ, но ни на шагъ не подвигаеъ дѣйствія. Въ слѣдующемъ акъъ герой и любовникъ проникаеъ въ домъ своей возлюбленной, оубивъ прислугу на улицѣ. Слуги сознаюся другъ другу въ своей зрусости и угровариваюся даръ зялу при появленіи маркиза. Маркизь не засрабляеъ индартъ себя. Слуги скрываются, роняя плачь, кофортій и выдаеъ имя госнодина. Поле бивви безспорно ораеъ за маркизовъ.

Между незверзель и пѣзель акрами пѣзъ амфрак. за. Маркизь оскорбленіи въ губеъ гесри, рѣшаеся убиъ обонъ виновникъ, хотя вся шѣ вина состоить въ домъ, что они уцрощи зайное свиданіе въ домѣ Фреден. Фреден не оурицаеъ правъ своего брата на вѣтъ. маршесъво въ ея дѣла, но везунаеъ съ нимъ по згону поводу въ длинныя разсуденія. Разговоръ прерываеъ, ездъ подвлетіель самого Тимеко; онъ объявляеъ, что

отъ законъ, каковыя его намъ временя, и, благодаря главнымъ образомъ жонку, что отъ въ данномомъ случаѣ признаетъ право за маркизоу въбить его сестру, все улаживается двойнымъ бракомъ между господами съ одной стороны и прислугой съ другою и комедія заканчивается ошнъ, леткомъ villancico въ честь мюдди и ея всемогущесва.

Прежде всего надо отметить, что губернъ гези мар, киза есрз го самое щекозливое губернъ у касриксевъ, на которомъ основано болшакнезв позднѣйшимъ испан, ескимъ драмъ. Можно и догадываться, что первый актъ этой пьесы доставилъ не мало мажербла для испанской комедии XVII вѣка. Погономъ Сансион во взоромъ актъ напоминаеть намъ Мольеровскій сонетъ въ „Мизан, зронъ“ и разговоръ между Фредето и Тименсо завъ же по своему содержанию и изъясненю мювь бы по праву заидеть мювь въ пьесу Кальдерона „Dad la Vida por su dama“ (Оудатъ жизнь за свою даму).

Два разобраннота пьесы — Торнеа и Фугменсо — со, верженно различивя и по характеру, мюуъ случивъ образниками зюль крайностей, въ какія впадалъ Ка, Карро, изыскивая средзв произвесди драматургескй эффектъ. „Что касается до различныхъ родовъ драмы,“ говоритъ отъ, „по моему мнѣнию для касрикскаго язъ, ка догадочно двухъ, а именно: драмъ основанныхъ на знаньи дѣйствительности и драмъ, основанныхъ на

воображении. В предисловии к газетно оны ихъ на, зывается „Comedia à noticia“ и „Comedia à fantasia“. Одна, ко обде оны делятся на ядъ jornadas. „Профето“ оны несомненно приписываютъ къ первому классу. Сюжетъ ея — восставление Мануэля, двѣнадцатого великаго монарха, царствовавшего тогда въ Португаліи. Трудные шуты — пасхушки, разговоры козорыхъ наполняютъ болшую часть комедіи съ низкою и плохой завязкою, съ малъ ясноты доказательствъ того, что Кахарро были не безъидеи — Эсина и Висензе и что она была не прочь подражать имъ. Драма же Тименео весьма интересна: въ ней видны задатки пугризм, сдѣлавшіеся впоследствии плавного характеристическаго герцога испанскаго театра. Шутъ ездитъ и „gracioso“, или шутъ — слуга, сорокою куръ горничной героини, — роль, козорая береться въ другой пьесѣ Кахарро, въ „Serafina“.

Замѣчательно то, что въ пьесѣ „Тименео“ соблюдены почти все правила единства: въ немъ одно главное дѣйствіе — это замужество Фреден; оно продолжается не болѣе двадцати герцекъ часовъ; все сдѣлано за исчисленіемъ стѣн (внутри дома), происходить на улицѣ передъ домомъ Фреден. Впрочемъ „Аквила“, не столько по сюжету, еще болѣе правильна по формѣ. Но въ цѣломъ комедія „Тименео“ озражаетъ національные нравы: въ ней сохранены національные костюмы и ка,

ражденья. Лучшая в ней пьеса — коморнезическая; но
есть прекрасная сцена между выключенными и зрителью,
появляющаяся между брадами и сестрой. Сцена подобная оведе-
нция Боргаса и Дорседа, очевидно пародирующих пьесу,
появляющаяся своих господь, весьма острозумна.

Весь пьеса Макаро острозумна легкою оура и плав-
ною дикциею, весьма забавительная для времени, ко-
гда она была написана. Пьеса во всяком из них возвы-
шается разговоры, ведомые с божиного естественности и
непринужденности, и не мало прекрасных лириче-
ских пьес. В пьесах и в том же всяком из них содер-
жится многочисленная доказательство нравственной
грубости Эпохи, их породившей. Вельдствие промьди,
вотчаго в них неувраженія къ церкви, она вскоре
были запрещены испанского инквизициею.

Самъ авторъ свидуетельствуетъ, что пьеса его была по-
сравлена на сцену въ Мадридъ президе, гдѣ въ подвинуше
въ пьесахъ. Она же сама въ началѣ Futuro къ „Горфа“
сообщаетъ, что многочисленное духовенство присут-
ствовало по крайней мѣрѣ одной изъ пьесъ. Но со-
мнительно, чтобы его пьеса разыгрывалась при иномъ усло-
вiachъ, гдѣ въ Эклоги Эпископы и Висенте; вторые ду-
маютъ, что число зрителей было ограничено и что самая
представленія происходили во дворцахъ великодушъ въ Неа-
полѣ, а пьеса была и въ Римѣ. Вельдствие этого она

вмачалъ и не имѣли большого вліянія на положеніе драмы на той ступени развитія, на какой она находилась въ то время въ Испаніи. Ихъ вліяніе началось позднѣе и то посредственно черезъ Мопимая съ 1520 г., въ одной Севильѣ въ теченіе двадцати лѣтъ послѣ появленія гезаре пуданія сочиненій Махарро. Что касается до драмы, то, хотя мы и находимъ въ нихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сравнительно съ предшествовавшими положившимъ прогрессъ, но съ другой стороны мы встречаемъ въ нихъ грубость, несообразности и нередко осужденіе взгляда его сочувственныхъ теорій. Урожденная и исправленная, она дѣлаетъ не менѣе представляли собой образцы драматическихъ произведеній, превосходившихъ своими достоинствами все, что до нихъ было создано на Пиренейскомъ полуостровѣ.

Хотя такіе люди, какъ Луисъ Энсимъ, Ниль Висенге и Торресъ Махарро, приложили свой талантъ къ созданію драматическихъ произведеній, имъ повидимому и въ голову не приходила мысль создать народный испанскій театръ. Возникновеніе его относится къ послѣдующему періоду, такъ какъ и слѣдовъ подобнаго театра не существовало въ Испаніи ни въ концы царствованія Фердинанда и Изабеллы, ни въ первые годы царствованія Карла V.

Сборники произведеній Махарро были первоначально

изданы ими самимъ въ Мадридѣ въ 1517 г. и посвящены испанскому дворянину Дону Фернандо Давалосу, мн. Бизелю миферадуръ, суррису извѣстной поэтессы Виздо, рин Колонны. Они носили заглавіе „Flore de la India“ или „Primicias del ingenio“ („Первенцы гений“), и заключали въ себѣ мезиды прощенья садыры, посланія, баллады, чехованія по случаю смерти короля Фердинанда, умершаго въ 1516 г., и другія стихотворенія, но главное мѣсто занимали въ немъ восемь пьесъ — комедій.

Вліяніе церкви и инквизиціи на театръ.

Послѣ первоначальныхъ опытовъ въ области свѣзска, го театра, принадлежавшихъ Хуану дель Энсина, Химно Висенде и Торресу Маарро, церковь и инквизиція остра, навливали на время дальнѣйшее развитіе свѣзскаго театральнаго представленія. И такъ, испанскому театру, какъ и театру другихъ новоявленныхъ европейскихъ народовъ, суждено было съ самаго своего зарожденія бороться съ величайшими препятствіями. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо драматическія представленія находились въ рукахъ вѣ, ковѣ въ рукахъ церкви, которая не только не была рас, положена въ пользу театральнаго дирекціи изъ своихъ рукъ и оудать театръ въ руки свѣзскаго и андирелигі, ознаго направленія, чье просвѣчивающаго именно въ пьесахъ Маарро. Въозъ поемъ инквизиція за благо, временно присвоила себѣ право распорядиться судьбами

драма, хотя это право было ей усугублено не государством, а развѣ насущеніемъ общесуветнаго мнѣнія. По выходѣ Севильскаго изданія „Primicias del ingenio“ („Первенцы генія“ или „Prosaladia“) въ 1520 г., представленные драмы Клаарро были запрещены инквизиціей и запрещеніе это злызло на нѣхъ илли до 1573 г.

Изъ небольшого числа пьесъ, написанныхъ въ началѣ царствованія Карла V¹⁾, почти все, за исключеніемъ пьесъ строго религіознаго содержанія, подверглись запрещенію. О существованіи многихъ пьесъ, какъ-то „Oseas“ (1534 г.), и „Costodia“ (1541 г.), мы узнаемъ только потому, что они попали въ Index Excommunicatus. Другія же пьесы, какъ напр. „Amadis de Gaula“ Висенге, хотя и были напечатаны, но не допущены къ представленію. Напротивъ того сфаринская религіозная драма пользовалась поддержкою духовныхъ властей. Съ времени до времени исполнялись мистеріи и по случаю крещенія инфанца, вно. слѣдствіи Филиппа II, организованаго съ великолѣпнѣе, въ свойственномъ дворѣ Карла V, въ Валлеядолидѣ, въ 1527 г., вошли въ составъ пышной церемоніи празднествъ религіозныхъ драмъ, съ которыхъ одной изъ которыхъ бы, но крещеніе св. Іоанна. Подобныя произведенія одна, но не способствовали развитію драмы, хотя многія изъ нихъ, какъ напр. пьеса Педро де Алзамара „La Cena de Estanç“, и не были лишены поэтическихъ достоинствъ.

1) отъ царствованія съ 1519—1556 г.

Скорее или медленнее было утвердилось за театральными пред-
ставлениями или старинный религиозный характер.

Попадки дана драма другое направление.

Послѣдователи Торреса Кааро.

Президе всего мы приходимся ^{микоходоль} указывать на „Constanza“
(Кристовалъ) Касуильехо, пьесу, написанную, повидимому,
въ духѣ Кааро (въ 1522 г.); но въ виду своей некри-
стойности она никогда не была издана. Заслужива-
ющая также мало вниманія болѣе позднѣе переводы, сделан-
ные около 1530 года Пересалье де Оливой, ректоромъ Сала-
манкского университета, Амбризиона Плавра, Флорен-
Софокла и Текуды Эврипида. Переложения эти въ ту
эпоху оцѣнены безъ всякаго вліянія на первое величье
народнаго театра, не имѣвшие ничего общаго съ духомъ
древности.

Медленное развитіе испанской драмы доказываютъ
и „Эклога“, пьеса, написанная Луисомъ Парискинымъ (J. Paris)
и написанная въ 1536 г. Въ ней мы встрѣчаемъ
тѣ же правильные разговоры и тѣ же лица: рыцарь, от-
шельникъ, козья дѣвица, дьяволъ и двое пастуховъ. Пер-
выми на сценѣ появляются ошельники. Они говорятъ
среди луговъ и размышляютъ о суетѣ жизни человѣческой.
Они говорятъ: „Тяжелая жизнь, которую мы, смертные,
ведемъ здѣсь на землѣ, если здраво взглянуть на нее, пред-
ставляется только самыми жалкими дѣлами и мечтами,

1) она умерла въ 1537 г.

2) „Эклога“ nuevamente composta por Juan de Paris, en la qual se introducen
cinco personas: un Escudero llamado Estacio, y un Hermitano, y una Kosa, y
un Diabolo, y dos Pastores uno llamado Vicente y el otro Cremon.“

своих великихъ и многочисленныхъ, что ихъ не перечесть,
въ довершение всего она наконецъ блекнетъ, какъ
роза на розовомъ кустѣ. Захотѣвъ оны, набросано поно,
любимыя, удалены, чтобы навѣснуть другого оушеника.
Его оукабливають оруженосецъ, рыцарь, со слезами на,
лицоцѣйск на шеюкоецъ съ нимъ Купидона; въ доказа,
желсво шеюкоаго характера послѣднйаго оны указываютъ
на его участіе въ несчастіяхъ Медин, въ паденіи Трои,
судьбѣ Пріама, Давида и Теркулеса; въ заключеніе
рыцарь объявляетъ о своемъ рѣшеніи покинуть свода
и укрывся въ келью единаго монасхря. Оны беру,
маерь въ разговоръ съ оушеникомъ, который пускаетъ,
ся въ разсуденіи о безуміи любви и совѣдуетъ икаже
исцѣленія своихъ печалей въ религии и богоугодныхъ
дѣлахъ. Юноша рѣшается послѣдовать мудрому совѣту
сфарца, и они вмѣстѣ направляются къ шиллицу оушени,
ника. Но едва они освобождаютъ сцену, какъ появляется
дьяволь; оны горько жалуютъ на то, что оруженосецъ
гозовъ ускользнулъ изъ его рукъ, и намеревается уно,
зрѣнъ въ дѣло вно свою власть, чтобы удержатъ его. Оушени
изъ насхуховъ входитъ на сцену и мѣлкомъ виднѣтъ уда,
ляющагося злого духа; оны оурашно поразметъ его видомъ,
которой имѣетъ въ себѣ нѣчто французскаго и ушас,
ное. Пасхухъ прѣтесъ съ испугу, но въ это время повъ,
идетъ на сцену молодая дѣвушка, возлюбленная рыцаря,

извлекает его из засады и между ними завязывается
 в токозородь родъ мазафризическiй разговоръ о любви,
 прерываемый приходомъ друга пасхуха, вследствие чего
 между пасхухами возникаетъ ссора. Добрушка удаляетъ
 покинуть мѣ и ^{она} уезжаетъ, гдѣ находится оземельникъ и
 рыцарь, котораго она оживляетъ. Все затѣмъ направивъ,
 поедъ къ шиллицу оземельника. Увидѣвъ своего возлюблен-
 ную, рыцарь вить себя отъ радости, заключаетъ ее въ свои
 объятія и восклицаетъ:

Adora temiego de mala fraulia, я отракаюсь отъ печальнаго конашесва,
 Ni quiego hermitaño ni fraile mas ser. Означитъ я не шелато свѣлаюсь
 больше ни оземельникомъ ни конашесва.

Оземельникъ вьтаетъ мѣ и вѣдетъ съ ними въ городъ,
 гдѣ поедаетъ въ мѣ доить. Драма заканчивается Villan-
 сисо, съ слѣдующими содерманциями извѣстную протило
 принтоволь:

Hayamos de ser vasallos, Ne budemo podrimyarsya
 Del amor, любви, захъ какъ въ

Pues por premio da dolor. Награду она даетъ сщраданіе.

Пьеса эта написана развѣрломъ de arte mayor, т.е.
 длинными стихами, раздѣленными на восемь сщроф,
 ные франсы, французское построение которахъ обнаружены,
 ваерь не мало зруды ^{искусства} "Классическiй франсы, манъ еще из-
 вѣстная рѣчь оземельника) представляеть собою прекрас-
 ный образецъ слога и размѣра всей пьесы. Лога въ

1) Hermitano: La vida penosa, que nos los mortales Que aver de contallos; es cuento infinita
 En aqueste mundo; terreno passamos Y allende de aquesto; tan presto es marchita
 Si con buen sentido; la consideramos Como la rosa; qu'ista en los rosales.
 Fallar la hemos; plano de muy duros males
 De tantos tormentos; tan grandes y tales